

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 5 мѣсяцевъ 8 франк.
» 3 мѣсяца. 5 »
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-00 ОКТЯБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) По поводу помѣщаемыхъ въ настоящемъ №-рѣ корреспонденцій. — 2) Царь, Добровольная Охрана и старообрядцы. — 3) Политическія гоненія и придири. — 4) Кіевское хищеніе и катковщина. — 5) Кіевскія хищенія и г. Бунге. — 6) Министерскіе обходные марши. — 7) «Московскія Вѣдомости» въ пользу женскаго образованія. — 8) Изъ Петербурга (корреспонденція «Вольнаго Слова»), Григорьева. — 9) Изъ Украины (три корреспонденціи «Вольнаго Слова»). — 10) Положеніе дѣлъ въ Балтійскихъ губерніяхъ. — 11) Берлинскіе взгляды и планы на Россію. — 12) Какъ позволяютъ обращаться съ собою Русины. — 13) Новый урокъ судьбы галицкимъ украинофиламъ, М. Драгоманова. — 14) Первый международный антисемитическій конгрессъ. (Спеціальная корреспонденція «Вольнаго Слова»). III. III-та. — 15) Націоналізація земель (продолженіе). — 16) Избирательная реформа и рабочій вопросъ въ Италіи, А. Пистолези. — 17) Хроника социально-экономической борьбы. — 18) Библиографія: Милліонное наследство и акулы зимняго дворца, Василія Сидорскаго. Der Baltische Foederalist, № 3. — 19) Извѣстія и замѣтки: Начало академическаго года въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. — Четырехгодичный опытъ на три года. — Побѣты политическихъ ссыльных. — Цензурная ампутація. — 20) Литературныя объявленія.

ЖЕПЕВА, 15 Октября 1882 г.

Мы получили къ выходу этого №-ра нѣсколько корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ. Мелкими извѣстіями мы воспользовались для составленія хроники; болѣе обширныя письма мы печатаемъ отдѣльно въ настоящемъ и слѣдующемъ №-рѣ. Письма эти исходятъ отъ лицъ далеко не одинаковаго политико-соціального образа мыслей и заключаютъ въ себѣ выводы и соображенія, съ которыми мы не во всемъ согласны. Тѣмъ не менѣе мы печатаемъ и будемъ впредь печатать подобныя письма, по возможности въ ихъ цѣломъ видѣ, со всѣми ихъ индивидуальными особенностями, — какъ потому что они передаютъ факты, добросовѣстно подмѣченные авторами, хотя, быть можетъ, и односторонне подобранные и поспѣшно обобщен-

ные, — такъ и потому, что мы считаемъ обязанностью нашей газеты не только проводить наши идеи, но и давать мѣсто всякаго рода фактамъ, сообщеніе которыхъ можетъ помочь мыслящимъ людямъ ориентироваться въ настоящемъ положеніи Россіи, а также давать возможность свободно высказаться всякимъ отлѣнкамъ оппозиціи существующему у насъ порядку вещей.

Намъ пріятно было встрѣтить въ одномъ изъ полученныхъ нами писемъ мысль о необходимости существованія, хоть за границей, органа на русскомъ языкѣ, который — преслѣдуя цѣли своей партіи, — не переходилъ бы въ исключительность и фанатизмъ и терпимо допускалъ бы на свои страницы, рядомъ съ редакціонными статьями, выраженіе мнѣній и не воплотившихся съ редакціей лицъ, лишь бы они не были прямо противоположны ея основнымъ убѣжденіямъ.

Кромѣ извѣстій о борьбѣ сельскаго населенія на Украинѣ съ евреями, о которой борьбѣ мы имѣемъ свое мнѣніе, извѣстное читателямъ, послѣдніе найдутъ далѣе свѣдѣнія о крестьянскихъ надеждахъ на коронацію и заключенія, какія дѣлаетъ изъ нихъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, г. К. Крестьяне на Украинѣ ждутъ отъ новаго царя послѣ коронаціи равной парѣзку земли (по другимъ извѣстіямъ, въ другихъ мѣстахъ той же области крестьяне ждутъ отъ новаго царя — новаго закрѣпощенія!). Корреспондентъ же ждетъ крестьянскаго возстанія, въ томъ случаѣ, если «народъ обманется въ своихъ ожиданіяхъ, — или, какъ говоритъ г. К., идеалахъ.» «Пропуститъ ли революціонеры этотъ моментъ?» спрашиваетъ г. К. и, отвѣчая: «едва ли!» вновь спрашиваетъ: «что то будетъ!»

Мы же думаемъ, что очень можетъ быть, что ничего не будетъ изъ того, чего ожидаетъ нашъ уважаемый корре-

спондентъ, какъ обыкновенно ничего не бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ играетъ роль вѣра въ Ормузда, какъ выражается другой корреспондентъ.

Крестьянскія мечтанія, въ томъ же родѣ и даже въ томъ же видѣ, въ какомъ передаетъ ихъ г. К. и другіе корреспонденты, вовсе не новы. Уже вслѣдъ за 19 февраля 1861 г. крестьяне на Украинѣ ждали «настоящей воли» и «слухного часу», когда вся земля достанется имъ на равную парѣзку, — при чемъ еще тогда въ этихъ ожиданіяхъ меньше, чѣмъ теперь, видно было вѣры именно въ царя. И всѣ эти ожиданія не имѣли никакого, сколько нибудь крупнаго практическаго значенія. Потомъ ожиданія, какія передаютъ наши корреспонденты, точь въ точь въ такомъ видѣ были замѣчены на Украинѣ въ 1876 г. (см. Громада, т. V, 206—214). И съ этой поры прошло уже 6 лѣтъ, а все таки ничего не было и нѣтъ. Срокъ исполненія крестьянскихъ мечтаній все откладывается: то на 10, то на 12 лѣтъ послѣ старой воли, то пока царь турка повоюетъ — то до поваго царя; теперь срокъ этотъ откладывается до коронаціи. Отчего же ему не быть отложену и послѣ коронаціи?...

Интересно, что и въ мысляхъ извѣстной части «интеллигенціи» и «революціонеровъ» сидитъ тоже своего рода Ормуздъ: только не царь, а «народъ». (Впрочемъ, и извѣстная часть «либеральной интеллигенціи», даже не прямо славянофильскаго лагеря, не разсталась еще съ надеждами на царя и даже на его коронацію!) Ждали «народнаго возстанія» въ моментъ эмансипаціи крестьянъ, потомъ черезъ девять лѣтъ послѣ нея, далѣе во время самарскаго голода, — потомъ по убійствѣ Александра II; теперь ждутъ его по убійствѣ Александра III или послѣ коронаціи. И сообразно этимъ ожиданіямъ строятся планы, а пока пропускаются такіе мо-

менты, которые порождает реальная жизнь, как моментъ войны съ Турціей, антиеврейскихъ волненій!

Дѣло въ томъ, что массовыя возстанія, а особенно успѣшныя, происходятъ только при сознаніи массами своей собственной силы и опираясь на положительный, ясный и въ общемъ, и въ деталяхъ идеаль, — бытовой ли (какъ это было у насъ въ случаяхъ козацкихъ возстаній, а на Западѣ въ возстаніяхъ городскихъ общинъ и кантоновъ и въ самой англійской революціи XVII в., которая хотѣла охранить старинный бытовой порядокъ отъ королевскихъ новшествъ), или научно созданный, какъ это было въ новыхъ европейскихъ революціяхъ, начиная съ французской конца XVIII в.

Есть ли основы для такихъ возстаній въ населеніяхъ Россіи, и въ частности, въ украинскомъ? Въ послѣднемъ остатки преданій стараго демократически-республиканскаго козацкаго быта есть, но разорванные и затемненные повою, зашедшимъ изъ Московщины вѣрою въ Ормузда. Заботится ли народническая интеллигенція, даже революціонная, о систематизаціи этихъ преданій и о подновленіи ихъ научной пропагандой? Сама эта интеллигенція — многочисленна ли? — организована ли? — обладаетъ ли условіями для вліянія на народъ, для самого сближенія съ нимъ? Въ частности, „революціонеры“, о которыхъ говоритъ г. К., принадлежатъ ли къ такимъ элементамъ населенія, какіе могутъ обладать этими условіями, — или они, по прежнему, все тѣ же „отщепенцы“ да „честная революціонная молодежь“, о которой и до сихъ поръ продолжаютъ говорить нѣкоторые люди, какъ о главной революціонной силѣ въ Россіи, не догадываясь, что никому, кромѣ правительства, не могутъ быть полезны такіа рѣчи?... На всѣ эти вопросы предоставляемъ отгѣтить самимъ нашимъ корреспондентамъ, находящимся на родинѣ.

Намъ же въ нашемъ „далеко“ думается, что „молодежь“, желающая служить народу, поступала бы наилучше, если бы всесторонне готовилась къ этой службѣ, независимо отъ мистическихъ надеждъ на народное возстаніе, а тѣмъ болѣе не приурочивая этихъ надеждъ къ случайнымъ срокамъ. — Пусть бы „молодежь“ готовилась стать „интеллигенціей“ народа черезъ приобрѣтеніе теоретическихъ и прикладныхъ знаній, а интеллигенція пусть бы несла свою службу народу, прежде всего службу ежедневную будничную, исполняя которую, интеллигенція сбли-

лась бы съ народомъ на всегда, а слѣдовательно и въ виду всякихъ случаевъ, которыхъ она тогда и не могла бы пропускать, какъ это было до сихъ поръ. Въ частности же въ настоящую минуту, — какъ по общему положенію Россіи, такъ и въ виду возможности крупныхъ событій (внѣшнихъ, какъ и внутреннихъ) интеллигенція поступила бы наиболѣе практично, если бы задалась дѣломъ первой необходимости и наиболѣе достижимымъ теперь, — а именно дѣломъ приобрѣтенія самоуправленія, которымъ, при извѣстной его постановкѣ, могутъ заинтересоваться и сельскія массы. Надо приготовить повсемѣстно организацію людей и изъ интеллигенціи, и изъ „народа“, которые бы способны были выдвинуть въ благоприятный моментъ и осуществить на дѣлѣ идею самоуправления; а это самоуправленіе дастъ уже естественныя кадры для сознательнаго дѣйствія массъ и въ сферѣ экономическихъ перемѣнъ, которыя, какъ показываютъ примѣры опередившихъ Россію странъ, гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется не только крестьянамъ, ожидающимъ парѣзки отъ царя, но и многимъ интеллигентнымъ пародникамъ въ Россіи, ожидающимъ сразу всякихъ благъ отъ „народа“ и его „движеній“.

ЦАРЬ, ДОБРОВОЛЬНАЯ ОХРАНА И СТАРООБРЯДЦЫ.

Въ послѣднюю поѣздку царя въ Москву особенною ревностью въ привѣтствіяхъ и охранѣ царя отличались тамоніе старообрядцы. Люди комитетные говорятъ, что старообрядческіе вожаки заключили съ главами «Добровольной Охраны» условіе, въ силу котораго старообрядцы поставили въ распоряженіе Охраны 4000 своихъ «молодцовъ», для изображенія бодрствующаго и ликующаго народа, а Охрана обѣщала старообрядцамъ неприкосновенность отъ полицейскихъ преслѣдованій. Фактъ самъ по себѣ характерный, — показывающій, что старыя столбы русскаго государства, какъ напр. петербургское православіе, стали предметомъ негласнаго торга. *) Но тутъ представляется еще одно соображеніе: старообрядческіе молодцы (артельщики, поповы, банщики и т. п.) усердно исполнили свою роль, но добросовѣстно ли исполнили свои обязанности «охранители» — это вопросъ. Вѣдь Побѣдоносцевская компанія не согласится на провозглашеніе въ Россіи закона о свободѣ вѣры, — а безъ такого закона гдѣ же гарантіи всякимъ сектантамъ, даже старообрядцамъ-поповцамъ, противъ полицейскихъ придираковъ? Не въ первый уже разъ московскіе старообрядцы показываютъ свое усердіе къ столь долго гнавшей ихъ царской власти: уже въ

*) Въ прошломъ году за подобныя же услуги во время царской поѣздки по Волгѣ старообрядцы выторговали освобожденіе изъ подъ ареста своихъ архiereевъ, содержавшихся съ 1854 года.

1863 году они «смалодুষествовали» и продали тѣхъ изъ либерально-демократическаго лагеря, которые водпились съ ними и возлагали на нихъ надежды. И что же выпитали они, — кромѣ временнаго и относительнаго смягченія полицейскихъ притѣсненій? И теперь будетъ то же самое. Правда, сегодня ипквинціонная ревность Побѣдоносцева и К^о направлена не на «раскольниковъ», а на бывшихъ уніатовъ, которые «добровольно» съ помощью войска, обращены были въ православіе, — вмѣсто «свадебнаго букета» отъ графа Дм. Толстого В. Князь Марья Александровна, — и которые теперь отпадаютъ въ католицизмъ, — но кто же поручится, что завтра эта ревность не обратится на раскольниковъ? Кто поручится даже за то, что Побѣдоносцевская Св. Дружина, или какая нибудь повая, еще болѣе тупая причина, не проглотитъ окончательно и саму играющую теперь въ охранительное земство Добровольную Охрану? Если бы у раскольниковъ была хоть капля политическаго смысла, то они бы поняли, что они могутъ получить прочныя права не отъ царей и какихъ бы то ни было опричниковъ, а отъ независимаго общественнаго движенія, которое имѣетъ цѣлью установленіе въ Россіи свободы политической, а слѣдовательно, и религіозной. Небось, англійскіе сектанты и даже прландскіе католики поняли это, а вотъ русскіе раскольники никакъ этого въ толкъ не возьмутъ! Они только и знаютъ, что «страдать за вѣру», да взятки давать, и деньгами, и поклонами, а теперь и «молодцами». Оттого то имъ и не даются права, не смотря на то, что они составляютъ цѣлую націю въ 13—15 милліоновъ!

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ГОНЕНІЯ И ПРИДИРЫ.

Намъ сообщаютъ отрывокъ изъ письма изъ Кургана, Тобольской губерніи, отъ 10 августа:

«Начну теперь со статистики. Народу нашего здѣсь порядочно, а именно: сосланные по суду Аверкиевъ съ женою, Шефтель, Вѣлиевскій и административные: Кжеминскій, Долгополовъ, Шуръ Софья, Лебедева, Орловская (изъ Кіева; она урожденная княжна Ширинская-Шихматова), Чесоданова, Осинская, Петропавловскій, Волкъ, Березневскій, Самарская, Новосильская, Коротковъ, вотъ, кажется, и всѣ. Что касается жизни, то она Вамъ въ общемъ извѣстна, а въ частности... да частности и нѣтъ. Все однообразно, скучно, тяжело до одурѣнія. Кругомъ пустота, безсодержательность, вдали отъ родины, друзей, единомышленниковъ, работы. А тамъ далеко идетъ безысходная борьба. Тяжело, страшно тяжело. Но намъ въ городѣ все же лучше. А тѣмъ, что заточены въ деревняхъ, уусахъ и часто въ одиночку, кругомъ же на сотни верстѣ нѣтъ жилья?! Только и живемъ надеждами. Стѣсняются, какъ только можно. Вотъ недавно, на основаніи новыхъ положеній, неправникъ засадилъ своею властью въ кутузку Долгополова за врачебную практику, которой тотъ занимался безъ надлежащаго разрѣшенія... Недавно получено извѣстіе о побѣдѣ съ Средней Кары 7 человекъ: Мышки-

на, Юрковского (Сашки), Боломеза, Диковского и еще 3-х. Но, кажется, они все пойманы».

Из Одессы сообщают нам, что в г. Красном Ярѣ, Астраханской губернии, умеръ отъ тоски по родицѣ и прибавившейся къ ней болѣзни полнт. ссыльный Иванъ Карповичъ Панкѣевъ. Онъ былъ исключенъ изъ Киевскаго университета и отдалъ подъ надзоръ полиціи. Панкѣевъ пытался бѣжать за-границу для продолженія тамъ ученія, но былъ арестованъ на пароходѣ «Константишъ» въ Севастополѣ, вслѣдствіе предательства кочегара, и сосланъ, по приказанію гр. Игнатѣва, въ Кр. Ярѣ. — На дняхъ въ Одессѣ выпустили на поруки привлеченнаго къ политическому дѣлу г. Петрова, взявъ съ него 10.000 рубл. залогу, но черезъ три дня вновь арестовали, говоря, что онъ предполагаетъ скрыться. По достовернымъ свѣдѣніямъ, въ Одессѣ томятся 95 душъ, притянутыхъ Стрѣльниковымъ къ дѣламъ о революціонной пропагандѣ и сообществѣ съ партіей террористовъ, — кромѣ того, множество лицъ на Югѣ Россіи арестовано по дѣлу захваченной у студента Малахова типографіи, имѣвшей будто бы цѣлью пропаганду идей политической свободы на началахъ федеративныхъ. Аресты по этому поводу продолжаются и, когда окончатся, трудно предсказать.

Какъ одинъ изъ признаковъ времени слѣдуетъ отмѣтить, что прокуроры и жандармы при допросахъ обнадеживаютъ арестованныхъ предстоящимъ милостіями по случаю коронаціи,* а также и то, что допрашивающимъ на этотъ разъ удалось нанесть на относительно большое число «чистосердечныхъ признаній».

Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ «чистосердечныхъ» сильно смахиваютъ просто на агентовъ-провокаторовъ, — а жандармы смѣшиваютъ ихъ показанія съ показаніями честныхъ лицъ, съ умысломъ набросить тѣнь и на этихъ послѣднихъ. Такъ, кажется, было въ случаѣ показаній Г—ца и Маслова въ дѣлѣ типографіи кружка «политическихъ революціонеровъ» федералистовъ.

Все это предметы очень деликатные, о которыхъ не всегда удобно говорить съ должными подробностями. Но, во всякомъ случаѣ, доля «чистосердечія» въ показаніяхъ арестованныхъ въ текущемъ году столь велика, что заслуживаетъ, чтобы на нее обращено было вниманіе.

Надъ послѣднимъ обстоятельствомъ очень слѣдуетъ призадуматься. Намъ это обстоятельство кажется признакомъ пониженія общихъ требованій отъ личностей революціонеровъ, а также послѣдствіемъ пропаганды, допускавшей какую-то особенную революціонную нравственность, отдѣльную отъ общей.

Стая жандармовъ и полицейскихъ, вспомогательная массою добровольныхъ миноповъ, не довольствуется арестами, обысками и допросами по поводу болѣе или менѣе осязательныхъ политическихъ «дѣлъ», — по придирается къ обывателямъ по всякому, самому вздорному поводу. Такъ изъ Кубанской области пишутъ намъ, что тамъ въ станицѣ

Ильской одинъ обыватель, перекрывал крышу, напелъ подъ нею нѣсколько книгъ. О паходкѣ дождались жандармы, — и пошли разслѣдованіи. Оказалось, что въ домѣ жилъ нѣкто П., который призналъ книги своими. Такъ какъ П. уже отбѣлъ свою кару за признаки неблагонадежности, то, казалось бы жандармская Немезида могла бы и удовлетвориться. Но, при обыскѣ П., у него нашли цѣпищѣнное письмо отъ козацкаго офицера, старика 60-ти лѣтъ, К. Произвели обыскъ, конечно, ночью и у послѣдняго — и ничего не нашли, а старика перепугали до болѣзни. Въ письмѣ, подавшемъ поводъ къ обыску, шла рѣчь о молотилкѣ; жандармы не хотѣли признать, что подъ этимъ словомъ разумѣется именно извѣстная земледѣльческая машина и ничего больше. Такъ какъ изъ разслѣдованія оказалось, что несчастная молотилка назначалась для хлыстовъ ст. Ладожской, то жандармы полетѣли и туда, обыскали хлыстовъ и допрашивали ихъ не только о крамолѣ, но даже и о вѣрѣ ихъ. Пока крамолы никакой не нашли и не сочинили.

Въ Полтавской губерніи, гдѣ скоро не будетъ дворянскаго рода, изъ котораго кто нибудь не былъ бы подвергнутъ разнымъ политическимъ гоненіямъ, начиная отъ повѣшенія до подпазюжности, — жандармы придираются къ массѣ лицъ. Недавно въ гадячскомъ уѣздѣ оказалось 70 человекъ неблагонадежныхъ лицъ, которыхъ подверглись жандармскому дознанію. Поводомъ къ нему послужила — какъ вы думаете, что? — кукуевская катастрофа! Прочитавъ въ газетахъ подробности этой путевой бойни, нѣкоторые мирные обыватели Гадяча, по инициативѣ учителя Киевской гимназіи г. И—ка, рѣшили: 1) отслужить панихиду по убійцамъ и молебствъ о спасенныхъ, 2) напечатать о семъ въ газетахъ, выразивъ свое негодованіе на желѣзнодорожные порядки, совершающіе бойни. Такихъ манифестантовъ нашлось 70 человекъ, — т. е. едва ли не все сколько нибудь видное населеніе маленькаго города. На бѣду кто то изъ манифестантовъ предложилъ въ клубѣ (теперь и въ уѣздныхъ городахъ есть клубы!) подписной листъ и исправнику (г. Чепега, говорятъ, воспитанникъ университета). Исправникъ началъ съ того, что снисалъ имена манифестантовъ, а предложившему листъ заявилъ, что манифестанты могли бы обойтись и безъ его разрѣшенія, но, разъ ему дѣло стало извѣстно, онъ долженъ приостановить его и доложить о немъ губернатору, — ибо такой случай неприимѣренъ въ полицейской практикѣ. Сказано, — дѣлано! Исправникъ — губернатору, губернаторъ (г. Вильбасовъ, на-вѣрно, университетскій) жандармамъ, — а эти за дознаніе! Переспросили массу лицъ, особенно студентовъ; крамолы все таки не нашли, — а цѣрвы испортили многими и, конечно, у многихъ посѣяли крамольный духъ.

КИЕВСКОЕ ХИЩЕНІЕ И КАТКОВЩИНА.

Недавно мы имѣли случай указать на необыкновенную наглость, которую по-

зволили себѣ органы г. Каткова въ своей атакѣ противъ университетскаго устава 1863 г., ставя въ связь проявленія либерализма и украинскаго автономизма въ Киевскомъ университетѣ съ банковскими и вообще грюндерскими занятіями многихъ киевскихъ профессоровъ. Мы указали на то, что именно катковцы киевскаго университета, имѣющіе органомъ офиціозный «Кіевлянинъ», и занимаются спекуляціей. На дняхъ киевская профессорская спекуляція потерпѣла всенародное посрамленіе: въ банкѣ взаимнаго кредита, котораго правленіе находится въ рукахъ профессоровъ, открылось систематическое хищеніе, производившееся кассиромъ Свиридовымъ (очень богомольнымъ человекомъ и «кореннымъ» русскимъ). Эпоха наибольшаго процвѣтанія хищенія — время управленія банкомъ профессоромъ Митюковымъ (въ текущемъ году пересталъ быть директоромъ, вслѣдствіе паралича, который не помѣшалъ ему остаться профессоромъ!) И что же?! Пр. Митюкову принадлежитъ инициатива выбора г. Каткова въ почетные члены университета св. Владиміра. Подите по всемъ русскимъ весямъ, загляните въ грюндерскіе кружки, и повсюду вы найдете въ нихъ консерваторовъ—катковцевъ! И они жъ теперь призваны спасать Россію, между прочимъ, и отъ хищеній! Забавно, что недавнее петербургское эхо катковщины, «Новое Время», теперь возмущено киевскимъ хищеніемъ и упрекаетъ «профессорское» правленіе банка, въ томъ что оно замѣтило правильную отчетность рекламами «близкой къ банковымъ воротиламъ газеты.» А между тѣмъ эта газета—любезный «Новому Времени» «Кіевлянинъ»!

КИЕВСКІЯ ХИЩЕНІЯ И Г. БУНГЕ.

Запимаясь киевскимъ хищеніемъ, нѣкоторые газеты вспомнили, что г. Свиридовъ былъ помѣщенъ въ «семейный банкъ» г. Бунге, прежде профессоромъ и директоромъ государственнаго банка въ Киевѣ, а теперь министромъ финансовъ; на это другія газеты, — напр., «Новое Время», — успѣли замѣтить, что въ сущности г. Бунге нельзя ставить въ вину ошибку его насчетъ г. Свиридова. Послѣднее, конечно, юридически вѣрно. Но вотъ что важно: г. Бунге былъ председателемъ финансовой коммисіи киевской городской думы — и въ это же время бюджетъ г. Киева и даже его недвижимыя имущества раскрывались самымъ безцеремоннымъ образомъ; г. Бунге патронировалъ пр. Реппенкампа, главнаго воротилу въ городской думѣ и въ одномъ изъ банковъ, — и въ это время происходило упомянутое раскрываніе городского имущества, а, наконецъ, состоялась миллионная кража въ банкѣ г. Р—фа. Вообще, знающіе киевскія дѣла могутъ привести десятки примѣровъ въ подтвержденіе того, что г. Бунге—самъ лично не крадущій, да и не нуждающийся въ кражѣ—былъ организаторомъ грюндерства и хищенія въ Киевѣ и покровителемъ всякаго рода тайныхъ и явныхъ хищниковъ, умѣвшихъ всегда найти доступъ къ

*) Опять эта коронація!

его мелочному самолюбию и увренности в своей непогрешимости.

МИНИСТЕРСКИЕ ОБХОДНЫЕ МАРШИ.

Съ тѣхъ поръ какъ петербургскіе министры открыто присвоили себѣ права всея Россіи самодержавцевъ, — въ російскихъ государственныхъ сферахъ происходятъ удивительныя вещи. Быстро смѣняющіеся временники приступаютъ къ вопросамъ первой важности, рѣшенія которыхъ давно требуетъ общественное мнѣніе, — публично обѣщаютъ рѣшить эти вопросы, потомъ надаютъ, а новыя, конечно, и не думаютъ исполнить обѣщаній своихъ предшественниковъ. Такъ г. Лорисъ Меликовъ поднялъ вопросъ о реформѣ крестьянскихъ учреждений, который естественно разросся въ вопросъ о реформѣ мѣстнаго управления. Гр. Игнатьевъ обѣщалъ рѣшить его и учредить, за формальнымъ царскимъ утвержденіемъ, конечно, Кахановскую комиссію для разработки этого вопроса, предоставивъ этой комиссіи призвать экспертовъ. Эксперты же эти должны были быть «свѣдущіе люди», такъ или иначе взятые изъ общества, — безъ которыхъ, какъ торжественно обѣщали графъ Игнатьевъ, открывая засѣданія «свѣдущихъ людей» по неплатенческому и переселенческому вопросу, — правительство рѣшилось впредь не обходиться при составленіи проектовъ законоположеній. Какъ извѣстно, общество весьма недвусмысленно заявило желаніе получить право самому указывать правительству «свѣдущихъ людей», — и самъ гр. Игнатьевъ, устали оффиціозныхъ своихъ агентовъ, пукалъ свѣдѣнія, что онъ вовсе не прочь отъ уступки обществу въ этомъ направленіи.

Съ воцареніемъ гр. Толстого даже игнатьевскіе «свѣдущіе люди» признаны были «конституціей» и чуть не революціей, — и данное гр. Игнатьевымъ отъ имени правительства обѣщаніе сиряно подъ сукно. О выборѣ и даже вызовѣ сколько нибудь независимыхъ и толковыхъ свѣдущихъ людей въ Кахановскую комиссію, значить, нечего и думать. Но оказывается, что даже съ своимъ чиновническимъ составомъ эта комиссія стѣсняется новаго визиря, служба паноминаніемъ, что надо же что нибудь сдѣлать для вывода управления изъ пуганцы и маразма. При томъ, кто знаетъ, можетъ быть, комиссія эта послужитъ опорой для какого нибудь придворно-чиновническаго подкоча противъ самого новаго визиря. Гр. Толстой долженъ былъ придумать какіе нибудь боковые марши противъ комиссіи. Придуманы были отдѣльныя комиссіи при министерствахъ, которыя бы по частямъ сдѣлали работу, вѣренную Кохановской комиссіи въ цѣломъ. Такую комиссію согласился образовать у себя министръ финансовъ, г. Бунге. Въ данномъ случаѣ г. Бунге поступилъ сообразно своему характеру, представляющему образчикъ російскаго чиновничества съ помазкою учености и либерализма и російской учености и либерализма съ закваскою чиновничества. У такихъ людей выработался пріемъ, который они называютъ: «идти по встрѣчу опасности, спасать основное, посредствомъ уступокъ въ частностяхъ». Сообразно этому пріему, напр.,

г. Бунге, который, въ бытность профессоромъ и ректоромъ университета въ Кіевѣ, считался у гр. Толстого (и у публики) приверженцемъ университетской автономіи и нѣкоторымъ образомъ оппозиціоннымъ ректоромъ, — предложилъ совѣту своего университета избрать гр. Толстого своимъ почетнымъ членомъ, по случаю прибытія его въ Кіевъ, и какъ разъ въ то время, когда гр. Толстой рѣшился приняться за ломку устава 1863 г. Этого «шага на встрѣчу» и эта «частная уступка» имѣла сдѣлать только то, что приверженцы гр. Толстого, начиная съ «Московскихъ Вѣдомостей», записали ее въ число признаковъ одобренія со стороны общества и ученаго міра личности и плановъ гр. Толстого. Тенеренною своею предупредительностью ученый г. Бунге прямо является сообщникомъ въ интригѣ гр. Толстого, который, конечно, ему за это не отплатитъ, даже лично, — тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за г. Бунге напелся еще болѣе быстрый на обходныя марши министръ — государственныхъ имуществъ.

Пока г. Бунге обставлялъ свой маршъ разными чиновнически-профессорскими украшениями, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ чистые чиновники составляли свой проектъ административныхъ реформъ, который уже и представленъ въ государственный совѣтъ.

Конечно, изъ всѣхъ этихъ маршей и скачекъ ничего не выйдетъ, кромѣ стоянія на одномъ мѣстѣ съ видомъ движенія. Но, вѣдь это все, что требуется въ російскихъ государственныхъ сферахъ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ ВЪ ПОЛЬЗУ ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Это, конечно, все равно, что діаволъ, проповѣдующій евангеліе. А между тѣмъ на дняхъ такое зрѣлище было дано російской публикѣ. «М. В.» удивили своихъ читателей статью, въ которой явились защитниками равнаго образованія женщинъ и мужчинъ, противниками идей, осуждающихъ женщинъ на исключительную жизнь въ семьѣ, и т. п. ересей, которыя столько лѣтъ громились и осмѣивались въ московской газетѣ и въ Р. Вѣстникѣ, въ прозѣ и стихахъ, въ трактатахъ, въ скабрзныхъ романахъ и въ беллетристическихъ очеркахъ.

Откуда или, лучше сказать, для чего такое превращеніе? — Ни для чего другого, какъ для того, чтобы добиться закрытія существующихъ высшихъ женскихъ курсовъ, медицинскіхъ и остальныхъ. Для этого «М. В.» проповѣдуютъ въ пользу уравнинія сначала средняго женскаго образованія съ мужскимъ, а потомъ открытія серьезно подготовленнымъ женщинамъ доступа въ университеты, — вопли въ увѣренія, что вышеупомянутое правительство не сдѣлаетъ послѣдняго, — а существующіе высшіе женскіе курсы закрыть или умерить постепенно.

«М. В.» совершенно правы, если находятъ, не вопли въ удовлетворительными эти женскіе курсы. Но вѣдь они недовольны и «женскіе эмансипаторы», съ которыми воюють столько лѣтъ публицисты Страстного бульвара. И эти эмансипаторы и сами женщины съ самаго

начала извѣстнаго движенія ничего другаго и не требовали, какъ прямо доступна женщинамъ въ мужскіе университеты, — и это было бы и самое резонное и самое дешевое рѣшеніе вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Въ пользу такого рѣшенія высказалось еще въ 1862 г. и огромное большинство профессоровъ университетовъ въ Россіи. (Интересно, что противъ высказались только совѣты дерптскаго и московскаго университетовъ да медицинскій факультетъ Кіевскаго университета, считавшія тогда «пѣмечки», при чемъ къ пѣмечкой партіи въ пѣмечки принадлежали Матвѣевъ, Алферьевъ и Коровевъ, — а русскую составляли: Вальтеръ, Эргардтъ и Шефферъ). Тогда, т. е. двадцать лѣтъ тому назадъ, правительству оставалось только послушаться большинства профессоровъ и открыть женщинамъ доступъ въ университеты, потребовавъ, конечно, отъ поступающихъ выдержанія экзамена равнаго мужскому гимназическому, а между тѣмъ приравливать постепенно курсы женскихъ гимназій къ курсу мужскихъ. Но правительство послушалось катковцевъ — и объявило войну «женской эмансипаціи». Возникшіе послѣ высшіе женскіе курсы были компромиссомъ между стремленіями «эмансипаторовъ» и реакціоннымъ упорствомъ правительства — и, конечно, вышли неудачны. Теперь имъ противопоставляютъ «настоящіе университеты» послѣ «настоящихъ женскихъ гимназій». Но кто же мѣшаетъ постепенно вводить въ жизнь это «настоящее среднее и высшее женское образованіе», не разрушая курсовъ, которыя сдѣлались уже жизненнымъ явленіемъ? Не будетъ ли быстрое разрушеніе этихъ курсовъ мѣромъ революціоннымъ? А разрушеніе курсовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ ничѣмъ не замѣнить, не будетъ ли своего рода — бѣлымъ инглизмомъ? Впрочемъ, вся дѣятельность катковцевъ ничто иное, какъ такой бѣлый инглизмъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

30 Сентября, 1882 г.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Въ одной изъ здѣшнихъ газетъ разъ появилась замѣтка, что со вступленіемъ въ министерство графа Толстого, началось затиханіе общества — не перестало волноваться разными сенсационными слухами, потекла обычная дѣятельность разныхъ органовъ государственной власти. Въ заключеніе выражалось удовольствіе, что наступилъ конецъ разговорами и спорамъ: пора молъ приниматься и за работу. Дѣйствительно, принялись, молча, безъ споровъ, сирянокъ и колебаній: упразднили высшіе женскіе врачебные курсы, сочинили невозможныя правила для Вестужескихъ курсовъ, изобрѣли новый типъ женскихъ (Маріинскихъ) школъ, якобы деневыхъ (30 рублей въ годъ за обученіе грамотѣ!), въ ожиданіи реформы университетовъ заперли двери другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ придумали обязательную форменную одежду, недоступную большинству студентовъ, гдѣ усилили строгость экзаменовъ и т. д., и т. д. Слышалъ ли авторъ вышеприведенной замѣтки радостныя изліянія удовольствія родителей всей той молодежи, оставшейся за порогомъ науки, мамъ неизвѣстно. Но зубовный скрежетъ ихъ по этому поводу мы слышали лично на этихъ дняхъ. Стоятъ не только люди, которые, если не сами, то черезъ дѣтей, прикосновенны къ міру наукъ и идей, стоятъ даже петербургскіе домовладѣльцы.

трактирщики, торговцы, дворники. Въ этомъ случаѣ проявилась такая замѣчательная «отсѣбятина» генерала Грессера, которая достойна записки на страницѣ... юмористички. А именно, въ приказѣ по полиціи о закрытіи трактира Малишника, приводятся такіе основательные мотивы: «такъ какъ полиціи уже давно извѣстно, что этотъ трактиръ служитъ сборищемъ мазуриковъ, воровъ, проститутокъ и т. п. личностей, то... (вы думаете, что рѣшши, по русскому обычаю, сдѣлать облаву и забрать ихъ разомъ?) то въ видахъ государственной пользы признаю полезнымъ закрыть означенный трактиръ на три мѣсяца», т. е. разогнать воровъ, мазуриковъ и т. п. личностей по разнымъ трупобамъ, гдѣ бы ихъ не возможно было поймать. Конечно, если на это смотреть съ точки зрѣнія необходимости чрезвычайной охраны съ ея усиленными итаталми и расходами, то охранители не чужды логики: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!» Но при чемъ же тутъ государственная польза? Между прочимъ, слышно, что это усиленное козирование треповщины вызывается желаніемъ достигнуть тѣхъ же результатовъ: какъ извѣстно, Т—въ тогда только успокоился, когда ему поднесли серебряную вазу, наполненную полуминералами. На сколько охранительныя дѣйствія оиричниковъ полезны для государя, видно изъ того также, что коронованіе отложено, по слухамъ, до апрѣля 1883 года...

Самымъ послѣднимъ по времени подвигомъ Толстого служить изданіи полузаконъ о печати*). Впрочемъ, и вышепречисленный авторъ не возблагодарилъ судьбу за этотъ фортель! Кстати, — въ виду имѣются такіе процессы, какъ Скарятина, интендантовъ, таможенниковъ и цѣлой серіи казнокрадовъ — во первыхъ, во вторыхъ, аппетитъ къ казнокрадству все растетъ, и не мало еще важныхъ и неважныхъ особъ, ждущихъ случая ханпуть, — ясно, что независящая печать одна полѣзна государственной дѣятельности. Не правда ли, омерзительно, гадко культурному человѣку видѣть такіа сатурналии реакціи. Но у культурнаго человѣка есть утѣшительная надежда, что всему бываетъ конецъ; чѣмъ безобразнѣе дикія оргіи, тѣмъ скорѣе сломать мен ихъ участники. Но представьте себѣ положеніе петербургскаго дворника, даже проинкиутаго желаніемъ во всемъ подчиняться приказаніямъ начальства. Въ одномъ приказѣ говорится, что онъ долженъ почтительно обходиться со всѣми, никому не причинять безпокойства и неурядицы, въ другомъ же приказѣ ему предписываютъ неустанительно тащить въ полицію всякое, по его мнѣнію, подозрительное лицо, а какъ отличить подозрительнаго человѣка отъ благонадежнаго, начальство умалчиваетъ. — и выходитъ, что не сдѣлаешь несприятности кому либо — бѣда, сдѣлаешь безпокойство — тоже бѣда. Не мѣшае трагично-комично положеніе разнаго рода «свѣдущихъ» людей, добровольно взявшихъ на себя сдѣлать упорядоченіи государственной машины вълѣдствіе призыва апрѣльскаго Манифеста 1881 года. Здѣсь, въ числѣ дѣлаго сонма охотниковъ ловить рыбу въ мутной водѣ, пошло нѣсколько честныхъ личностей, которыя въ докладныхъ запискахъ выворотили всю свою душу въ безпристрастной оцѣнкѣ причинъ «крамола». Мелниковъ и Игнатьевъ любезничали съ ними, составили въместѣ съ ними проекты пенсценія государства, представляли эти проекты государю. Онъ со слезами умо-

ленія одобрилъ представляемые планы и приказывалъ своимъ державнымъ словомъ «исполнить». Но тутъ случается перемена министровъ; одобренные проекты подвергались новому разсмотрѣнію по нисходящимъ степенямъ начальства и безслѣдно исчезали въ подвалахъ канцелярій; авторы же изъ спасителей отечества преобразились въ глазури начальства въ безпокойныхъ людей и... что за этимъ слѣдуетъ, вы сами знаете. Но, конечно, вы не думали, чтобы слово русскаго царя поступало на окончательную редакцію городского, а между тѣмъ это такъ!

Вамъ уже безъ сомнѣнія извѣстно, что основатель высшихъ женскихъ курсовъ, профессоръ, Бестужевъ-Рюминъ, по болѣзни вышелъ въ отставку и уѣзжаетъ за границу. Ниже мы приводимъ копію съ документа, ясно свидѣтельствующаго какъ свойство, такъ и причины его болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка, хотя огородинка, который собственными руками вскопалъ гряды, посадилъ семечки, ухаживалъ за всходами, полоть и поливалъ и, наконецъ, дождался плодовъ, которые заслужили всеобщую похвалу за ихъ качества. Другой является пѣкій держиморда, приказываетъ измѣнить систему огородинчества, — вмѣсто хорошаго удобрения навалить камней и мусору, поливать помоями и всякой дрянью, самые семена сортировать по усмотрѣнію его, держиморды и т. д. Условія такой перемены дѣлались обязательными, иначе самый огородецъ подлежалъ уничтоженію. Въ такихъ именно условіяхъ находится Бестужевъ-Рюминъ*). Онъ учредилъ курсы, создалъ коллегію профессоровъ сотрудниковъ, изыскивалъ средства для всеобщественнаго бѣднѣмъ труженицамъ, привлекалъ цвѣтъ женской молодежи къ занятію науками, словомъ, дѣлалъ все, чтобы распространить возможно шире научное движеніе, и вдругъ ему предлагаютъ затворить двери курсовъ и впускать туда исключительно рекомендованныхъ попечителемъ учебнаго округа или уже такихъ, которымъ никакой инквизиціонный цензуръ не страшенъ. Судите сами по ниже-слѣдующему:

«Условія для поступления въ 1882 году постоянными и вольными слушательницами на высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ, извлеченныя изъ утвержденныхъ г. попечителемъ С.-Петербургскаго Ученаго Округа, согласно главнымъ основаніямъ, указаннымъ согласно министромъ народнаго просвѣщенія, правилъ и дополненій къ нимъ.

§ 1.

Лица, желающія поступить въ постоянныя и вольно-слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, обязанны, при прошеніи на имя учредителя курсовъ, представить: аттестатъ объ окончаніи полнаго курса въ женской гимназіи (въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія курса восьми-класснаго), или инстп-тутѣ, или другомъ женскомъ учебномъ заведеніи, дающемъ право домашней учительницы, или же свидѣтельство, выданное какимъ либо ученымъ округомъ, на званіи домашней наставницы или домашней учительницы по выдержаніи экзамена изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ восьмикласснаго курса женскихъ гимназій. Если со времени полученія упомянутыхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ прошло болѣе одного года, то представляющія ихъ лица не могутъ поступить на курсы постоянными слушательницами, а лишь вольно-слушательницами, на одинаковыхъ съ ними послѣдними условіяхъ.

§ 2.

Вольно-слушательницы допускаются на курсы не иначе, какъ въ видѣ исключенія, по

*) Если бы тутъ шло дѣло только о г. Бестужевѣ-Рюминѣ лично, то мы сказали бы: такъ ему и нужно; пусть на опытъ узнаетъ прелесть «русскаго народнаго самодержавія», которое онъ посылалъ въ славянскомъ комитетѣ въ пику «гиплому западу», куда онъ теперь ѣдетъ и гдѣ давно уже невозможно то, что дѣлаетъ самодержавіе въ Россіи съ учебными заведеніями. (Ред.)

представленію Совѣта курсовъ, исключительно изъ лицъ, живущихъ въ томъ городѣ, гдѣ существуютъ курсы, въ семьяхъ, или имѣющихъ постоянныя служебно-педагогическія занятія, изъ лицъ, извѣстныхъ при томъ лично попечителю учебнаго округа, съ особаго каждаго разъ его разрѣшенія и подъ его отвѣтственностію.

§ 3.

Постоянныя слушательницы и вольно-слушательницы не могутъ быть принимаемы на курсы безъ представленія: 1) Удостоверенія мѣстной полиціи о полной своей политической благонадежности. Лица, живущія въ С.-Петербургѣ, должны представить такое свидѣтельство отъ С.-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, а лица, прибывшія, — отъ мѣстнаго губернскаго, который въслѣдствіи должны быть обмѣняемы на свидѣтельства того же оберъ-полицеймейстера, и 2) лица, неимѣющія полныхъ 21 года, кромѣ того, безъ письменнаго на слушаніе курсовъ согласія ихъ родителей, опекуновъ, или заступающихъ ихъ мѣсто на законномъ основаніи. Всѣ требуемые документы должны быть представлены на курсы предъ поступленіемъ, такъ какъ никакія обязательства о представленіи документовъ въслѣдствіи принимаемы не будутъ. Если документы въслѣдствіи оказались бы въ какомъ либо отношеніи неблагонадежными, то представившее ихъ лицо немедленно увольняется съ курсовъ» и т. д.

Комментаріи къ вышеизложенному, само собою разумѣется, излишни. Болѣе рѣзкаго, болѣе безпошаднаго гоненія на науку трудно придумать. Но неужели этимъ думаютъ убить «крамолу»? Будто бы стремленіе къ образованію, къ саморазвитію такъ и застынетъ на порогѣ безжалостно затворенныхъ дверей храма науки! Сколько женщинъ, не помыслившихъ ни о какой борьбѣ съ правительствомъ, отойдетъ отъ этихъ дверей съ затаенной враждой и съ безпошадной жаждой мести къ своимъ губителямъ?!

Григорьевъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

Крестыянскіе толки о коронаціи и наръзкѣ земли.
Борьба съ евреями.

(Письма въ редакцію «Вольнаго Слова»)

Намъ пишутъ изъ Бердичева, Кіевской губерніи:

Довольно общезвѣстный фактъ, что наши крестьянныя связываетъ свое экономическое положеніе со всякимъ имѣющимъ совершить-ся въ ближайшемъ будущемъ событіемъ государственной жизни. Слухи о волѣ, о войнѣ съ турками и объ окончаніи этой войны, а также и слухи о различныхъ мелкихъ реформахъ вызывали всегда въ народѣ толки, общій смыслъ которыхъ тотъ, что кончается, наконецъ, неправда и наступаетъ царство правды. Указанный фактъ свидѣствуетъ, съ одной стороны, о горькой долѣ нашего крестьянина, а съ другой стороны, о томъ, что эта горькая доля, не смотря на весь ея гнетъ, не изгладилась, по крайней мѣрѣ, въ средѣ малорусскаго народа, мысли о возможности и необходимости иного экономического строя, а также и довольно сильнаго желанія видѣть его осуществленнымъ. Злобой дня въ настоящее время въ средѣ крестьянства является будущая коронація императора. Крестьяне въ напряженномъ ожиданіи; по обыкновенію ожидаютъ окончательной побѣды добраго начала (въ нѣкоторомъ родѣ Ормузда), въ лицѣ императора, надъ злымъ началомъ (Ариманомъ). — въ лицѣ паповъ, арендаторовъ и администраціи. Очень часто можно слышать отъ крестьянъ вопросъ о

*) Подвигъ сей, впрочемъ, совершенъ и Толстымъ, и Игнатьевымъ въ равной мѣрѣ, такъ какъ законъ былъ составленъ еще послѣднимъ, и только ратификовалъ первымъ. Забавно, что вслѣдъ за объявленіемъ упомянутого закона, во вліятельныя иностранныя газеты посылались денешіи изъ Петербурга (какъ извѣстно, политическія денешіи изъ Россіи посылаются только съ одобренія начальства), — что молъ графъ Толстой не виноватъ въ этомъ законѣ, который-де еще въ болѣе строгой формѣ придумалъ Игнатьевъ. Какъ будто г. Толстой не могъ взять подъ сукно этотъ проектъ Игнатьева, подобно тому какъ этотъ положилъ подъ сукно Лорисовскіе проекты, а самъ г. Толстой игнатьевскія мѣры про-сверсать? (Ред.)

томъ, скоро ли будетъ коронація и «чи не чуть (не слышно ли) же тамъ нічого?»....

Иногда же отъ нихъ самихъ можно слышать и то, что именно «чуть» (слышно). Такъ, одинъ крестынинъ западної части Киевской губерніи говорилъ мнѣ, что въ волости прибито объявление (кажется, это было обращение генералъ-губернатора къ жителямъ), въ которомъ царь проситъ крестьянъ не бить жидовъ и общасть послѣ коронаціи награды ихъ надѣломъ земли, «какъ слѣдуетъ». Увѣренность, что такая награда должна быть рано или поздно доходить до поразительныхъ размѣровъ. Такъ, пишущимъ лѣтомъ въ одномъ изъ селъ Волынской губерніи крестьяне узнали, что батюшка получилъ какую то официальную бумагу. Известное настроение подсказало крестьянамъ, что эта бумага отъ царя, которую они такъ долго и съ такимъ терпѣніемъ ждали, и что въ этой бумагѣ царь велитъ раздѣлить землю всѣмъ по-равну. Съ радостнымъ чувствомъ собирается громада и отправляется къ дому батюшки. Къ вышедшему на дворъ батюшкѣ крестьяне обращаются съ просьбой прочесть имъ «царскую бумагу», въ которой прописаны такія прекрасныя вещи. Батюшка въ недоумѣніи; но, наконецъ, начинаетъ понимать, въ чемъ дѣло, и старается доказать крестьянамъ, что у него нѣтъ и не можетъ быть никакой бумаги. Но могли-ли этому повѣрить крестьяне не только со словъ батюшки, на котораго они обыкновенно смотрятъ весьма подозрительно, но даже со словъ кого бы то ни было: рядомъ съ ихъ увѣренностью слова батюшки были нагой ложью. Раздался крикъ: «він за одно з напани», «сховав бумагу»; а вслѣдъ за ними батюшкѣ, какъ обманщику, врагу крестьянскихъ интересовъ и другу ихъ непріятелѣй, — пановъ и чиновниковъ, нанесены были побои, послѣдствіемъ которыхъ была смерть батюшки.

Буна.

Другой корреспондентъ пишетъ изъ Черниговской губерніи*):

Ранок був дуже гарний... Юльське сонце недавно зішло і освітло своїм, поки ще м'ягким, проміннямъ велике містечко, що тільки зветься містечком, а на самому ділі справжнє село з двома, чи трьома жидівськи-

*) Поміщаю нижеслідуючу корреспонденцію на томъ языкѣ, на которомъ она была написана, вважаючи нелишнімъ сказати два слова въ поясненіє єя правописання. Это го радикально-фонетическое правописание, которое принимается все больше украинскими писателями и учеными (см. между прочимъ Prof. E. Ogonowski. Studien über die Ruthenische Sprache) и въ пользу принциповъ котораго починають вискакуватися и русскіє ученые (см. Русскій Филолог. Вѣстникъ, 1881 г., № 2). Оно устранило не только Ъ, какъ ненужный, по и Я, Ю, Ҁ, Ђ, Ҁ какъ лишніє, єдиничніє, смѣшувачіє два різнихъ процеса: а) составленіє слога изъ согласной (NB) П (или j, Ҁ) съ гласными, — и б) смягченіє согласныхъ, означаемое въ другихъ случаяхъ претставкою къ нимъ Ъ. Поэтому новое правописание пишеть: ја ма, ју ка, ЈеҀго ва јіх ать, јолоп, — (можно и йама, йупка, Йегома, йіх ать, йолоп) и конь (или кінь), ко пь а, конь у и т. д. Упрощеніє и логичность начального обученія и самой грамматики при этомъ правописанніи очевидно. — Впрочемъ, мягкій знакъ (Ҁ) еще лучше бы можно было замѣнить надстрочнымъ знакомъ надъ согласною (Ҁ), а за тѣмъ принять и для всѣхъ славянскихъ языковъ латинскіє буквы. Ред.

ми крамницями. Я јшов через село на вокзал: він од села па пів верстви. Була неділя... Мудри јшли на базар, що стојав біля церкви, а тако ж, звичайно, ј у церкву. Така думка: піти па базар, а заразом і у церкву зајдеш. Не дармо, значить, жалкујуться наші пони, що луде дуже не охоче јдуть у церкву. Що минути ја зустрічав лудеј, котрі здоровкались зо мноју і поздоровляли з педілеју. Так ја пројшов усе село, пројшов і полем до вокзала ј увіјшов у вокзал, взяв білет ј вијшов на плацформу, де жандарми окинули мене своїми цікавими очима, як звичайно тепер оглядајуть усякого нового чоловіка. Тільки ја був зодягнений паном, через те ј не звернув па себе великої уваги жандармів. Ја сів у вагон; мені треба було јіхати тільки одну станцію. Јіхав ја в с. N. до поміщика за вчителя на літо. Пријіхавши па станцію Z. звідсіль була думка піти пішки до села N, бо дуже близько. Проте ж, побачивши кількох мужиків з візками, ја запитав у одного: що, чоловіче, візьмеш, щоб завезти мене у с. N. до поміщика? — «Та що тутечки брати?... ја ј вијіхав так, аби па дьоготъ заробити; сідаете; за 30 копійок і доведу; однак у село јіхати». Ја сів; ми поробили цигарки ј појіхали. Міј дядько па вид, з обличчя ј постаті, був справжній українець: високого росту, широкоплечий, запорожскі вуси; јого задумчиве лице од разу притягло моје серце до јого. Јому було літ за 30. Зодягнений він був бідно; все па ньому — свита, сорочка були поношені, возник і коньачка плохенькі; проте ж у всьому була видна акуратність. Ја так і подумав, що це чоловік з середньої нашої крест'янської маси, тојі маси, що потім, кров'ю і слізмами розбавляје своє дуже вже сумне життє. — «Що, чоловіче, јакій у вас поміщик? оце ја до нього за вчителя јіду; чи скуніј він, чи ні?» — «Та він гроші даремне не тратить, по землі не розкидаје, хазяїн гарний... А ви звідкіль? з далека?» — «Та ја сам з далека, ја київській, та от чутка така, що вчителя треба поміщику в N., так ја ј јіду це в с. N.» — Так ви ще не були в цього пана, не знаєте јого? — «Ні, ні, не був, оце јіду вперве, та не знају чи скуніј він, чи ні? а чоловік він гарний?» — Та так, всьако буваје... він з наших, з простих лудеј, тільки розбагатів дуже, а јак почне балакати, так такий жартиливий. — «А јак хліба у вас тутечки?» — Так собі, нічого, не то щоб гарно і не погано: жита та овес најкращі. Чи не знаєте ви пана X.? — «Ні не знају; а що?» — Та такечки хотів сиптати, за що це јого узвали недавно? — «А де ж він жив?» — От тутечки, біля нашого села, па хуторі, та такий гарний чоловік, а узвали. — «Ні, не знав ја цього чоловіка, а тільки що ж? јіх багато тепер арестујуть у нас в городах, і вже звістно усякому, за що јіх беруть... От і серед вас, мабуть, ходить чутка та думка, що пора землеју мужиків наділити, нову нарізку робити, та ј чи мало треба тепер мужиків?... От розумніші ј сміливіші луде в городах і оступајуться за мужиків, говорять і пишуть про мужицьку бідність, а царь з урядом не хотять і слу-

хати про переділ земель, от за це ј ханајуть оніх лудеј; мабуть, і цей чоловік з таких був.» — Тај беруть јіх багато, оце вже хто јого зна, що ј буде? — «А що, чоловіче, у вас луде балакајуть про нарізку?» — Та хто јого знаје... Та балакајуть, і балакати бојтєтьа, тепер час такий проклятий, що оце зберуться наші в купу ј балакајуть, та все поглядајуть, чи не слушаје хто? і врьадники оці ходять та прислухујуться, так і оглядајь, а то ј опиниться біля тебе. Оце па базарах то так дивлятьсьа ј прислухујуться; і з наших је негарні луде: підслухаје, піде розкаже кому от і годі... А, звістно, луде, јак зберуться, зараз починајуть балакати про землю, бо землі дуже, дуже мало, і значить така думка, що пора нову нарізку робити. Про це наші всьаде балакајуть, а чутки такојі все ж не ма, що будуть землю різати... Хто јого зна, що ј буде... Тут приміром, таке в нас було: спорились ми з поміщиком за клантик землі: пана земля, а він до себе јізі приписав... Спорились, спорились — нічого не помогло, тојі нам один чоловік написав бумагу до царя. ј піјшли наші з тіеју бумагоју в Петербург: ну, і що ж?!... Царь воли не бачил... (Це розкажує з сміхом повним самого јівого сарказму) ходили, ходили... та добре, що самі повертались; ми вже певні були, що јіх засадять, куди Макар телят не гонить... Так ні, — самі такі верпулись, бумагу в них хтось взяв... а земля ј досі па наша. Гірко, гірко тепер жити, ніякої поміщи ні звідкіль не маје. — Балакајучи, ми напали кілька возників і обидва замовкли. Скоро ми обігнали ти возникі ј одіхали: чи мало од них, що јіхали поперед нас, ја знов запитав свого звоничка: — «у нас в городах говорять тепер о подушнім; така чутка, що подушне за 8 літ царь хоче зничтожити: чи чули ви вже про це?» — Та така чутка је; хто јого зна, може ј справди, а тільки навряд що нутне вијде з цього... Хоч і звольять од подушного, та за те така чутка, що землю тепер оддавали є половини, та ј то тяжко жити, нічим прокормитись, а тепер вже кажуть з третьојі даватимуть. Оце буде так!... От тобі ј одміна подушного! Е! дарма! ніякої користі з цього не буде; попіл землі не нарізуть, ніякої полегкості нам не буде...

Третій корреспондентъ пишетъ изъ Харьковской: Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось послѣ долгаго житія на сѣверѣ пробѣхать чуть не по всей нашей родинѣ. Въ Курской губерніи я впервые услышалъ родную рѣчь, увидѣлъ вновь знакомыя лица, услышалъ знакомыя, хоть па новый ладъ разговоры:

«А шо, пане, чутко про коронацію? Чи хутко буде? Вам це більш відомо», обращается ко мнѣ напротивъ еднїиці усагій дядько. «А хто јого зна», отвѣчаю я. «Шось нічого не чує». — «Чого ж це барьатеся? Невже царь бојтєтьа?» Я на подобный вопросъ предпочитаю не отвѣчать. «От і переді час би јіти», продолжаетъ неутомимий усагъ. Гм... слышнеться въ отвѣтъ. Дядько, наконецъ, удовлетворившись такими лаконическими отвѣтами. Страшно подмываетъ меня

поговорить съ нимъ на эту тему, но кроткіе взгляды рядомъ сидящаго батюшки, а на слѣдующей станціи жандармы... «Переділ», «коронація», «жиди» — стереотипныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе жгучіе темы разговоровъ! И если у васъ хоть искра правдивости свѣтитъ въ глазахъ, селинитъ не преминетъ спросить васъ объ этомъ. Очень ужъ наболѣло!...

Въ с. N., Кіевской губ., у волостнаго правленія прибитъ извѣстный приказъ генералъ-губернатора, чтобы не смѣли быть свресеы и проч. Но оказалось, что можно читать не такъ, какъ есть, а какъ хочется. Является ко мнѣ пріятель мужикъ и заявляетъ, что «у волости је бумага від царя, шчооб бити жидів, а далі панів, а землю, каже царь, шчооб ми собі брали, бо годі» каже, напамъ мене обдурьувати». И, конечно, крайне удивился и самъ сейчасъ же пошелъ въ волостное правленіе, гдѣ и узналъ, въ чемъ дѣло. А вотъ другой фактъ, рассказанный мнѣ пріятелемъ черноморцемъ. Какъ извѣстно, въ Черноморіе или тенерешію Кубанск. область переселилось много крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, особенно изъ Полтавской, Таврической, Харьковской, потомъ Воронежской и др. Они не имѣютъ вовсе земли и въ антогонизмъ, поэтому, съ козаками, но не теряютъ надежды дожидаться лучшихъ временъ и сравниваются съ черноморцами. Приходитъ къ моему пріятелю переселенецъ-полтавецъ и сообщаетъ самую свѣжую новость, что получена «царська грамота і вже навспиражкн: з золотими буквами і з печатію. Кажуть, шчо це вже будуть землю ділити усімъ порівно: і напам, і козакам, і намъ. Буде намъ усімъ по 4 десятини на душу». Что это за бумага — осталось неизвѣстнымъ, но знаменательно тотъ фактъ, что у народа накинѣло въ груди; онъ, какъ дитя вездѣ видитъ то, что ему хочется, въ каждомъ печатномъ клочкѣ готовъ видѣть царскій манифестъ. Какое же впечатлѣніе должна произвести на него революціонная прокламація? Село строго оберегается, и прокламація не доходить до народа. Но вотъ скоро будетъ коронація. Народъ обманется въ своихъ идеалахъ. Пропустятъ ли революціонеры этотъ моментъ? Едва ли! Въ силу вещей они примутъ участіе въ народномъ возстаніи, которое произойдетъ, и ч. народъ не выдержитъ больше. Что то будетъ!...

И.

ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ БАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Недавно мы имѣли случай сравнить т. наз. балтійскія губерніи Россіи съ Ирландіей. По послѣднимъ извѣстіямъ, тамъ происходятъ совершенно ирландскія явленія, о которыхъ, впрочемъ, мы не находимъ свѣдѣній во внутреннихъ газетахъ. Въ вѣнскую (официозную и вообще довольно осторожную) «Politische Correspondenz» пишутъ изъ Риги: «Разные признаки показываютъ, что аграрное движеніе, которое волнуетъ всю Россію, всенхнеть прежде всего въ балтійскихъ провинціяхъ. Такъ увѣряютъ самыя положительнымъ образомъ, что съ нѣкотораго времени, во многихъ мѣстахъ образуются вооруженныя шайки крестьянъ, которые уходятъ въ лѣса (?),

произнося угрозы противъ помѣщиковъ. Очень недавно одинъ изъ послѣднихъ, Гротусъ Фихтнтраусенъ, возвращавшійся къ себѣ, былъ раненъ такъ сильно ружейнымъ выстрѣломъ, нущеннымъ изъ лѣса неизвѣстнымъ человекомъ, что черезъ нѣсколько дней умеръ отъ раны. Другой помѣщикъ, Рекъ-фонъ-Судергофъ, получилъ смертный приговоръ отъ секретнаго комитета аграрнаго движенія. Имѣя надобность, немного спустя, выѣхать изъ дому, онъ приказалъ слугамъ своимъ сопровождать его, какъ стража. На другой день слуги получили письмо въ слѣдующихъ почти словахъ: «братъ, вашъ баринъ приговоренъ къ смерти; держитесь подальше отъ него, чтобы не случилось намъ печально ранить кого либо изъ васъ, при исполненіи нашего приговора». Послѣ этого люди объявили, что не будутъ болѣе сопровождать барина, — и этотъ сидитъ теперь дома въ тревогѣ. Можно сказать, что мы присутствуемъ при началѣ аграрной агитаціи «à l'irlandaise».

Въ виду такихъ извѣстій, совсѣмъ уже не знаешь, что и подумать о заявленіи «Балтійскаго Федералиста» (№ 3, стр. 74), что эта газета «не имѣетъ ничего принципиальнаго противъ балтійскихъ аграрныхъ отношеній».

Въ томъ же «Балтійскомъ Федералистѣ» читаемъ письмо изъ Балтійскаго края: «И у насъ начались политическіе аресты и допросы. Свободолюбивцы, хотя и не прикосновенные къ заговорамъ, люди находятся теперь въ опасности быть осужденными со стороны реакціонеровъ и обожателей царскихъ, какъ бунтовщиковъ, — и такимъ образомъ эти люди усматриваютъ, на сколько правы революціонеры, уничтожая деспотизмъ насиліемъ.... Утверждаютъ (полицейскіе?), что найдены широко развѣтвленный «ингилистическій» заговоръ среди эстовъ, въ которомъ, будто, принимаютъ участіе главные національные вожди и который распространяется до Петербурга въ тамошніе балтійскіе кружки... Между прочимъ, были обыски у многихъ студентовъ дерптскаго университета, при чемъ найдены книги, въ родѣ: «Aus der Petersburger Gesellschaft», «Eine Lievländische Antwort» *) и т. п. Были обыски и у нѣкоторыхъ вождей эстонской національной партіи и даже на селахъ были обыски, конфискации и допросы»....

Интересно было бы узнать обстоятельныѣе, какаѣ доли въ этихъ полицейскихъ гоненіяхъ принадлежитъ центральнымъ, русскимъ властямъ, а какаѣ мѣстнымъ, нѣмецкимъ, которыхъ не разъ уже пользовались русскою полиціею, какъ орудіемъ для преслѣдованія національныхъ и социальныхъ стремленій эстовъ и латышей?

БЕРЛИНСКІЕ ВЗГЛЯДЫ И ПЛАНЫ НА РОССИЮ.

Вслѣдъ за свѣдѣніями объ упомянутыхъ выше аграрныхъ волненіяхъ, во французскихъ газетахъ появилась депеша изъ Берлина: «съ нѣкотораго времени, аграрная агитація въ балтійскихъ провинціяхъ стала болѣе напряженной. Славянскіе(?) агитаторы, слѣдуя примѣру, поданному

*) Талантливая книга, направленная противъ царско-обрусительныхъ идей, но въ то же время съ узко-сословнымъ и узко-нѣмецкимъ духомъ. (Ред.)

ирландцами, нападаютъ на помѣщиковъ нѣмецкаго происхожденія, и не мало преступленій совершено уже. Беспорядки въ этихъ провинціяхъ привлекаютъ къ себѣ полное вниманіе нѣмецкаго правительства».

Ого! можно сказать. Остзейскіе помѣщики такимъ образомъ выступаютъ въ роли «роднаго Шлезвигъ Гольштейна».

А вотъ другой призначекъ времени:

Въ Берлинѣ же вышли отдѣльными брошюрами статьи Nathasius Ludom'a, прежняго редактора официозно-консервативной Kreuz Zeitung, — «Экономическая будущность русской Польши и Германіи», печатавшіяся прежде въ «Reichsbote». Авторъ считаетъ войну Германіи съ Россіей неизбежной вслѣдствіе возрастающаго нѣмцененавистія (Deutschenhasz) русскихъ (!). Въ такомъ случаѣ Германіи ничего не остается, какъ отодвинуть границы Россіи за Днѣпръ и Двину, возстановить Польшу, которая, конечно, должна быть введена въ одинъ таможенный союзъ съ Германіей.

Послѣднее придумано не дурно, — ибо безъ промышленнаго подчиненія Польши Германіи не стоитъ послѣдней и отдѣлять отъ Россіи первую. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже коли отдѣлять Польшу, то не стоитъ отдѣлять одни чисто-польскія области на Вислѣ, ибо это значило бы стѣснить ихъ экономическое развитіе; надо, значитъ, прихватить и рынокъ для мануфактуръ привислянскихъ и германскихъ — области по Днѣпру и Двинѣ. Послѣднія, конечно, вправѣ сказать: «насъ не худо бы спросить!»

Впрочемъ, такъ далеко дѣло врядъ ли и пойдетъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ признакомъ времени слѣдуетъ считать вниманіе, какое возбуждаетъ въ извѣстныхъ кругахъ Германіи польскій вопросъ, въ виду возможности войны съ Россіей. Такъ, напр., объ опубликованномъ въ Czar'ѣ разговорѣ Бисмарка съ польскимъ консерваторомъ о возстановленіи Польши, говорятъ, что хотя «рассказъ объ этомъ и совершенно не вѣренъ, но вполне справедливъ». (Die Erzählung ist ganz unwehr, aber völlig richtig).

Интересно, что объ этомъ думаютъ поляки. Пока Dziennik Poznanski замѣчаетъ, что всѣ эти прусскія заботы о Польшѣ означаютъ только обращеніе къ Россіи: «если ты не будешь намъ послушна, мы вспомнимъ о Польшѣ». А ужъ что, кажется, послушнѣе берлинскимъ приказамъ, какъ казенная Россія!

КАКЪ ПОЗВОЛЯЮТЪ ОБРАЩАТЬСЯ СЪ СОБОЮ РУСИНЫ.

Неумѣнье постоять за себя составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ къ упорядоченію человеческихъ отношеній. Съ этой стороны едва ли найдутся въ Европѣ болѣе жалкіе люди, какъ австрійскіе русины. Это классическій образецъ того, какъ долговременное національное униженіе ведетъ къ атрофіи собственнаго достоинства. Никто, мо-

жеть быть, такъ не жалуются на притѣсненія, какъ эти русины, — и никто такъ легко не поддается всякому насилию, какъ они, при чемъ сами же отказываются отъ собственныхъ правъ, уже признанныхъ за ними законами того государства, въ которомъ они живутъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго можно набрать тысячу примѣровъ, — а вотъ самый новый:

Намъ пишутъ изъ Вѣны отъ 8 Октября: «Вчера председатель общества «Буковина», г. Иванъ Литинскій, получилъ съ почты «авизо» съ реценсимъ. На авизѣ было написано, чтобъ адресатъ явился въ залъ № 7 здѣшняго главного таможеннаго правленія (к. к. Wiener Hauptzollamt). Дѣло, очевидно, могло идти о полученіи какой нибудь посылки изъ за-границы и объ уплатѣ за нее пошлины. Но вышла совсѣмъ неожиданная исторія. Когда г. Л. явился въ таможенно, чиновникъ (одинъ изъ К. К. Finanz Concipient'овъ) обратился къ нему: «а, вы, т. е. общество Буковина, получили изъ Женевы, вѣроятно отъ Драгоманова, пакетъ. Если хотите взять его, то должны объявить мнѣ, отвѣчаете ли вы за то, что въ этомъ пакетѣ, такъ какъ пакетъ этотъ тутъ же будетъ подвергнутъ ревизіи, но если не примете этого пакета, то не будете отвѣчать». Г. Л. запротестовалъ противъ этого, сказавши, что общество можетъ получать письма, отъ кого хочетъ, и что только полиція имѣетъ право вскрывать его письма, если она увѣрена, что въ письмахъ этихъ есть что либо запрещенное*). Но тутъ запрещеннаго ничего не можетъ быть, развѣ только «Вольное Слово» изъ Женевы». Тогда финансовый чиновникъ повторилъ первыя слова свои и началъ спрашивать, кто изъ общества Буковина переносивается съ Женевою и Драгомановымъ, сколько, какія и откуда получать общество газетъ и т. д. Председатель на все это давалъ отвѣты (!!!), а чиновникъ записывалъ ихъ въ протоколъ (будто судья или полицейскій) и предложилъ председателю подписать протоколъ. Этотъ еще разъ спросилъ, а какъ же будетъ съ пакетомъ, а чиновникъ повторилъ, что пакетъ конфискуется и потребовалъ отъ председателя, чтобы тотъ отказался отъ пакета, а иначе обществу будетъ бѣда. При такой альтернативѣ председателю ничего не оставалось (?!), какъ только исполнить требованіе чиновника и заявить, что онъ отказывается отъ пакета изъ Женевы. Тѣмъ дѣло и окончилось — пока въ таможенѣ, а что будетъ дальше, то знаетъ одинъ «черный кабинетъ» въ Вѣнѣ. Вотъ, что дѣлается въ «вольной конституціонной Австріи».

Людямъ знающимъ, что такое конституціонныя права, нечего указывать, — въ чемъ превысилъ свою власть г. финансовый конципиентъ, — и доказывать, что во всемъ этомъ дѣлѣ г. председатель общества «Буковина» виновенъ передъ своимъ обществомъ гораздо больше еще, чѣмъ г. конципиентъ. Не постижимо, какъ могъ г. председатель не понять, что г. финансовый конципиентъ присвоивалъ

сѣбѣ права слѣдственнаго судьи; еще менѣе постижимо, какъ онъ могъ позволить предлагать сѣбѣ вышесказанную альтернативу, какъ не замѣтивъ всей цѣлѣности угрозы отвѣтственности за пакетъ, котораго содержаніе ни ему, ни конципиенту не извѣстно. Въ довершеніе всего, — ни редакция «Вольнаго Слова», ни г. Драгомановъ никакого пакета на этихъ дняхъ въ общество «Буковина» не посылали, и потому весь вышесказанный разговоръ о «Вольномъ словѣ» и г. Драгомановѣ надъ запечатаннымъ пакетомъ есть двойная глупость.

Намъ странно учить гг. австрійскихъ гражданъ ихъ правамъ, въ томъ числѣ и правамъ ихъ на полученіе нашихъ и г. Драгомановскихъ изданій, но мы принуждены сдѣлать слѣдующее разъясненіе:

1) «Вольное Слово» вовсе не запрещено въ Австріи, а только не допущено къ разсылкѣ подъ бандеролью, — слѣдовательно, въ пакетахъ всякій имѣетъ право его получать.

2) Въ числѣ сочиненій г. Драгоманова есть вещи, не запрещенныя въ Австріи, а если нѣкоторыя и запрещены, — единственно въ слѣдствіе того, что самъ авторъ, какъ иностранецъ и отсутствующій, не могъ защищать своихъ изданій передъ австрійскимъ судомъ, а австрійцы, у которыхъ эти сочиненія конфискованы, боялись взыскать за эту защиту*), — то все таки всякій австрійскій гражданинъ имѣетъ право получать и держать у себя по одному экземпляру даже и запрещенныхъ сочиненій.

НОВЫЙ УРОКЪ СУДЬБЫ ГАЛИЦИИ И УКРАИНОФИЛАМЪ.

Въ послѣднія недѣли печать въ Галиціи (и отчасти — въ Россіи) сильно занималась вопросомъ о состоявшейся, по приглашенію свѣнне, добровольной отставкѣ униатскаго митрополита Сембратовича и съ нимъ еще двухъ видныхъ уни. духовныхъ лицъ. На ихъ мѣста прочать трехъ священниковъ изъ числа ультрамонтанъ, переселившихся изъ Холмскаго края въ Галицію, и, по всей вѣроятности, мѣста эти и будутъ заняты лицами подобнаго сорта. Если даже слабоголовый и сморщенный Сембратовичъ показался Римъ и официальнымъ кругамъ во Львовѣ и Вѣнѣ подозрительнымъ лицомъ, то ясно, что теперь идти дѣло объ окончательномъ предоставленіи администраціи униатской церкви въ Галиціи въ руки ревизителей ультрамонтанства и въ то же время колонизаторовъ. Отставка Сембратовича, такимъ образомъ, является третьимъ шагомъ послѣ перенесенія въ Галицію дѣятельности польско-ультрамонтанской корпораціи «Змартвухъ-ветанцевъ» и предоставленія іезуитамъ униатскаго монастыря въ Добромысль, — шагомъ, который, впрочемъ, должно было предвидѣть и который не предвидѣли развѣ близорукіе люди, захватившіе въ послѣдніе годы представительство «народной» или украинской партіи въ Галиціи, не находящіе и теперь никакого сноса

дѣйствій, кромѣ пролітія слезъ и клятвъ въ вѣрности своего народа Габсбургамъ и папѣ.

Нѣсколько уже лѣтъ назадъ, когда — между прочимъ, въ слѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ отъ Кіева и Одессы ко Львову, — демократы украинскіе изъ Россіи столкнулись ближе съ «народовцами» галицкими, первые поражены были клерикализмомъ заявленной послѣднихъ и особенно истинно дьяволоугоднымъ характеромъ популярныхъ изданій ихъ, пап. книжекъ, издаваемыхъ обществомъ «Просвіта», — которые никакимъ образомъ не гармонировали съ культомъ Шевченка, столь, повидному, горячо исполняемымъ галицкими народовцами. На замѣчанія по этому поводу со стороны русскійскихъ украинцевъ галицкіе украинofilы отвѣчали, что, будто, такой образъ поведенія наложенъ на нихъ реальными условіями ихъ страны: привязанностью, будто бы, ихъ народа къ церкви и духовенству, удобствомъ вліять на народъ посредствомъ духовенства, а, наконецъ, тѣмъ, что униатская церковь, по своему сгннанному характеру, будто бы, специально приспособлена къ охранѣ украинской народности и отъ колонизаціи, и отъ москвитизаціи.

Въ послѣднее время жизни шагъ за шагомъ обнаружилъ всю суету подобныхъ соображеній (не говоримъ уже о моральной ихъ сомнительности). Обнаружила цѣлый рядъ столкновеній и въ Галиціи между громадами и духовенствомъ, въ слѣдствіе которыхъ громады рады были, какъ понало, мѣнять вѣроисповѣданіе. Громады неоднократно заявляли, что не желаютъ имѣть священниковъ своими политическими представителями въ сеймѣ и въ парламентѣ и во многихъ случаяхъ потому именно и голосовали за польскаго кандидата, что съ русинской стороны не было выставлено другаго кандидата, кромѣ священника. Въ довершеніе, со стороны высшаго церковнаго и имперскаго правительства обнаружилось явное желаніе сдѣлать саму униатскую церковь орудіемъ колонизаціи русинновъ. Послѣднее, конечно, сдѣлаетъ эту церковь и ея представителей еще болѣе непопулярными среди украинскаго населенія Галиціи, — и тѣмъ болѣе, что эта колонизація вовсе не встрѣчаетъ сѣбѣ сколько нибудь энергическаго противудѣйствія со стороны униатскаго духовенства, ни высшего, ни низшаго. Такъ, не только митрополитъ и два члена его канцлара согласились увольняться, выговоривъ сѣбѣ только крупныя пенсіи, — но и низшее духовенство добровольно стало отдавать своихъ дѣтей въ іезуитскій повиціатъ: изъ 25 русинновъ, записанныхъ въ этотъ повиціатъ, 20 принадлежатъ къ дѣтямъ духовенства; въ томъ числѣ находятся сироты двухъ лицъ, которые подписали протестъ противъ іезуитовъ.

Поймутъ ли, хоть теперь, свѣтскіе «народовцы» свое положеніе по отношенію къ церковному вопросу и къ духовенству? Поймутъ ли они, что — кромѣ общаго культурныхъ соображеній — интересы самой національной политики требуютъ съ ихъ стороны разрыва съ мертвецомъ, называемымъ унией, конечно, не для того, чтобы связываться съ другимъ мертвецомъ, начинающимъ уже разлагаться у ихъ соплеменниковъ, украинцевъ русскійскихъ. Здѣсь, у этихъ послѣднихъ, среди разложившихся

*) Во всемъ не полиція, а судъ, и не когда онъ въ чемъ либо «увѣренъ», а когда началось судебное преслѣдованіе противъ даннаго лица по примому обвиненію въ извѣстномъ преступленіи. (Ред.)

*) Если запрещать «Громаду», то слѣдовало бы запретить и сочиненія бывшаго австр. министра др. Мюффа; если запретили «Marija Maty Jusowa», то и подавно надо было запретить Штраусса и Ренана и т. д.

православия растетъ движеніе, которое гораздо болѣе достойно называться украинской народною религіей, чѣмъ униа;—это штундизмъ. Вотъ поучительныя свѣдѣнія о ростѣ этой новой «братской вѣры», обнаруживающія недавно самымъ кievскимъ епархіальнымъ начальствомъ: въ 1875 году въ Киевской губерніи было всего 561 ч. штундистовъ, въ одномъ уѣздѣ (Тарапакскомъ); въ 1878 г. ихъ уже было 1100 ч., въ двухъ уѣздахъ (Тар. и Звенигор.), а въ 1881 г. уже 1420 въ пяти уѣздахъ (Тар. 1001, Звенигор. 352, остальные въ Сквирск., Каневск. и Чигир.) По газетнымъ свѣдѣніямъ видно, что штундизмъ уже распространился и въ другіе уѣзды К. губ. Не менѣе онъ силенъ и въ Херсонской губ., а за тѣмъ онъ распространился и въ Екатеринославск., Подольской, Волынской и въ Полтавской губ. Въ непродолжительномъ времени предстоитъ въ Черниговѣ процессъ кр. Городищенскаго у., Савенка, обвиняющагося въ распространеніи новой секты, отрицающей обряды и таинства, посѣщеніе церкви и т. п. Секту эту почему то называютъ сѣкачн («Зари» №№ 193 и 195),—по она во всемъ подобна штундовому «братству».

Если уже галицкіе поклонники Шевченка не рѣшаются въ настоящее время предпринять открытую безвѣроисповѣдную проаганду (въ Австріи дозволенную законами), то не резонно ли имъ было бы отвѣтить на ультимативскіе затѣи ознакомленіемъ своего населенія хоть съ этою «братскою вѣрою», которая такъ быстро растетъ среди ихъ восточныхъ соплеменниковъ?

М. Драгомановъ.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНТИСЕМИТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ.

(Спеціальная корреспонденція «Вольн. Слова»).

III *)

Изложивъ происхожденіе и стремленія каждой изъ различныхъ партій, представители которыхъ явились на антисемитическій конгрессъ, мнѣ предстоитъ говорить о ихъ группировкѣ на конгрессѣ и о планѣ дѣйствій, предложенномъ ихъ вождями.

Христіанскіе социалисты и примыкавшіе къ нимъ члены германскихъ консервативныхъ партій высказались съ самаго начала противъ обсужденія конечныхъ цѣлей движенія и за выставленіе цѣлей ближайшихъ и достижимыхъ; ихъ главный ораторъ, Штеккеръ, предложилъ принятіе ряда «тезисовъ» умѣренного характера, которые бы не могли встрѣтить противодѣйствія со стороны правительствъ, а давали бы возможность на этомъ базисѣ открыть дружную и согласную антисемитскую проаганду. Государственные социалисты, равно какъ и всѣ венгерскіе антисемиты, напротивъ, считали необходимымъ сразу войти въ глубину еврейскаго вопроса и выяснить для публики все его значеніе.

Съ ясностію, ничего не оставлявшимъ желать, ихъ главный ораторъ, Гибрици, объявилъ, что еврейскій вопросъ—вопросъ расы, такъ какъ всѣ протекающія для насъ отъ евреевъ неудобства и опасности, суть

прежде всего—рефлексы характера чуждой намъ расы; поэтому наше спасеніе только въ полномъ выдѣленіи евреевъ изъ нашего государственнаго и общественнаго организма. — «Если мы не примемъ мѣръ, чтобы сдѣлать евреямъ пребываніе посреди насъ неприятнымъ и неприбыльнымъ (ungemüthlich und unrentabel), то намъ все же придется послѣдовать примѣру нашихъ русскихъ братьевъ, которые пошли въ вынужденнымъ открытою силою отвоевывать отъ евреевъ свою родную землю!» — При этихъ словахъ вся зала потряслась отъ рукоплесканій и восторженныхъ возгласовъ, въ которыхъ не послѣднее участіе принимали и приверженцы умѣреннаго взгляда.

Пламенному трибуну возражалъ придворный проповѣдникъ. — «Не слѣдуетъ ничего предпринимать, чего бы нельзя было исполнить. Политика—наука возможнаго. Несправедливо и опасно ставить движеніе на почву расовыхъ различій; это не мѣшаетъ составить въ защиту противъ ихъ вреднаго дѣйствія противоеврейскій союзъ, но не нужно забывать, что евреи, какъ и мы, принадлежатъ къ человѣчеству. Чтобы здѣсь собраннымъ не расходиться въ двѣ стороны, слѣдуетъ принять общій базисъ».

Между двумя рѣзко проявившимися мнѣніями примирителями являются спокойныя и практическіе реформеры. Ихъ стараніями, тезисы Штеккера дополняются нѣкоторыми болѣе общими и болѣе радикальными положеніями и въ новой ихъ формѣ принимаются конгрессомъ единогласно. Тезисы являются, такимъ образомъ, главнымъ общимъ дѣломъ цѣлаго конгресса и потому, хотя содержаніе ихъ и было болѣе или менѣе вѣрно передано въ газетахъ, мнѣ кажется необходимымъ сообщить ихъ здѣсь во всей ихъ полнотѣ.

— «Тезисы дрезденскаго международнаго конгресса для конфиденціального*) обсужденія еврейскаго вопроса.

I.

Настоящее положеніе евреевъ составляетъ для нихъ самихъ, какъ и для всѣхъ культурныхъ націй, серьезную опасность, — для нѣкоторыхъ же народовъ оно уже имѣетъ источникъ матеріальной и нравственной порчи. Международное соглашеніе въ видахъ устранинія пагубнаго еврейскаго вліянія — неотложная культурная задача христіанскаго міра.

II.

Еврейскій вопросъ, хотя и порожденъ племенными и вѣроисповѣдными особенностями евреевъ, не есть, однако, въ своемъ полномъ проявленіи исключительно расовой или религіозный вопросъ, а вопросъ всемірный культурно-историческаго, политическаго, также какъ социально-экономическаго характера.

*) Я перевожу этимъ канцелярскимъ терминомъ выраженіе «vertraulich» (дружескій, интимный), показывающее, что конгрессъ, въ мнѣніи его организаторовъ, былъ не публичнымъ, чѣмъ и объясняются мѣры предосторожности, принятія относительно допущенія на конгрессъ участниковъ, особенно же представителей прессы.

III.

Преобладаніе евреевъ, въ соотношеніи съ ихъ численностію и нисколько не превосходящее отъ ихъ высшаго дарованія, основано на безграничномъ, часто безсовѣстномъ приобрѣтеніи и употребленіи денежной силы, на общей ихъ враждебности къ христіанскому строю и быту, наконецъ, на неудовлетворительности нашихъ настоящихъ общественно-политическихъ условій.

IV.

Соединенные между собою общимъ происхожденіемъ, языкомъ, религіей, характеромъ и стремленіями, замкнутые, какъ каста, въ своей средѣ посредствомъ брака только между собою, законы о нищѣ и объ очищеніи, — евреи, независимо отъ того, гдѣ бы они ни жили и къ какому бы государству ни принадлежали, составляютъ одну еврейскую національность, предназначенную, по общепіямъ ихъ религіи, всегда остаться отдѣльною; поэтому, они не могутъ никогда, оставаясь евреями, сдѣлаться органическою частію какой либо христіанской націи. Либеральные евреи (Reformjuden), хотя и отличаются въ частностяхъ отъ массы своего народа, не отдѣляются отъ нея въ общемъ характерѣ своей жизни и дѣятельности; стремленіе же къ разложенію и подчиненію себѣ христіанскаго міра, у нихъ болѣе сознательно и потому болѣе опасно.

V.

Эманципация евреевъ, въ смыслѣ не только равнои правоспособности, но полного гражданскаго и политическаго равенства, — противорѣчитъ съ сущностію еврейства такъ же, какъ съ идеею христіанскаго государства, она была глубокою и пагубною ошибкой. Начальническія должности не могутъ быть даваемы евреямъ, равно какъ и учительскія мѣста въ христіанскихъ школахъ.

VI.

Представители бездушной денежной силы и часто эксплуататоры чужаго труда, мало участвующіе въ производительной работѣ и сопряженными съ нею общественными обязанностями, евреи составляютъ въ нашу эпоху дошедшей до кризиса ожесточенной борьбы между трудомъ и капиталомъ социальную опасность первой степени, тѣмъ болшую, что, вслѣдствіе свойственнаго имъ отрицанія основаній христіанскаго государства, они принимаютъ дѣятельное участіе во всякомъ движеніи, противъ него направленномъ. Финансовое могущество еврейства препятствіе къ самостоятельному государственному устройству, ихъ биржевая дѣятельность корень пагубнаго направленія финансовъ и торговли, ихъ вліяніе на промышленность и ремесла, чрезъ монополизированіе торговаго посредничества, основаніе разнообразныхъ народныхъ бѣдствій.

VII.

Вредныя послѣдствія еврейскаго вліянія въ торговлѣ, промышленности и сельскомъ хозяйствѣ должны быть устранены посредствомъ законовъ, ограничивающихъ могущество капитала; христіанамъ слѣдуетъ по возможности

*) См. № 15, 46.

заводить дѣловыя отношенія только съ христіанами.

VIII.

Христіанскіе народы попали въ зависимость отъ евреевъ только чрезъ отреченіе отъ идеи христіанскаго государства и національной мысли (!) въ общественной жизни, какъ и въ законодательствѣ. Только посредствомъ возвращенія къ христіанскому міровоззрѣнію и удовлетворенія національных потребностей въ экономической жизни, законодательствѣ и управленіи могутъ они возвратити себѣ опять свою природную самостоятельность. Слѣдуетъ, поэтому, просить правительства и законодательныя учрежденія о принятіи ими на себя принадлежащей имъ по государственному праву инициативы и воззвать къ народамъ, дабы они взялись за защиту необходимыхъ каждому народу свободы и самостоятельности, посредствомъ поощренія христіанскаго духа и преодоленія еврейскаго въ литературѣ и ежедневной печати, въ государственной и общественной жизни.»

Переводъ этого документа, при всемъ стараніи сдѣлать тезисы яснымъ для русской публики, не могъ, конечно, не переставая быть вѣрнымъ, складити слѣды двухъ или нѣсколькихъ борющихся въ редакціи направленій. Христіанскіе социалеты, явившіеся съ тезисами на конгрессъ, придали имъ довольно яркій вѣронеповѣднѣй оттѣнокъ, который и подавъ передъ самымъ голосованіемъ поводъ къ весьма оживленной и характеристичной сценѣ. Извѣстный еврейскій миссіонеръ, пасторъ Толлора (какъ его называютъ нѣмцы, по имя котораго de la Rue), объявилъ тезисы не достаточно христіанскими въ отношеніи къ евреямъ и предложилъ искать рѣшенія еврейскаго вопроса въ 5 книгѣ Моисея (Второзаконіи); тамъ содержится предсказаніе о возвращеніи евреевъ сначала въ Египетъ, а потомъ въ Палестину, и слѣдуетъ, поэтому, по мнѣнію миссіонера, просить правительства объ облегченіи евреямъ исполненія этого пророчества и съ этою же цѣлью пригласити на конгрессъ 12 честныхъ и непорочныхъ евреевъ во имя 12 колѣнъ израилянскихъ. Штеккеръ и другіе пасторы возразили, что не считаютъ себя въ правѣ, въ церквей своихъ, говорить проповѣди и опираться исключительно на Писаніе; христіанскій же характеръ тезисовъ ясно выставленъ въ ихъ редакціи. Въ эту минуту всталъ Шредеръ, делегатъ одного изъ значительнѣйшихъ антисемитскихъ ферейновъ, саножникъ*) по ремеслу, но радикалъ темпераментомъ; странно крича и размахивая, какъ шиломъ, правою рукою, онъ сначала выругалъ всѣ партіи—съ правой до лѣвой, какъ слишкомъ консервативныя и не достаточно народныя,—«антисемитовъ и самыхъ рѣшительныхъ болѣе всего между рабочими»—воскликнулъ онъ—«по объявляю вамъ, что ихъ вы не подвинете, пока бу-

дете стоять на почвѣ религіи!»

Сцену, за тѣмъ послѣдовавшую, описать не возможно: конгрессъ былъ въ опасности на одну минуту превратиться въ синагогу, по его руководителямъ, да и всѣмъ присутствующимъ, дѣлаетъ много чести, что снокойствіе мгновенно могло возстановиться—и слѣдующій ораторъ могъ начать говорить. Это были преклонныхъ лѣтъ, но еще бодрый старикъ; гордаго вида и аристократическихъ манеръ; онъ прежде всего взялъ подъ защиту Шредера противъ негодованія консерваторовъ, а потомъ объяснилъ и поведение послѣднихъ: правда—сказалъ онъ, что городскіе рабочіе не идутъ подъ религіознымъ знаменемъ, но подъ нимъ идутъ крестьяне, а эти то и главные жертвы евреевъ. — Затѣмъ, дрожа отъ волненія и съ рыданіемъ въ голосъ, старикъ разсказалъ неизвѣстное большей части членовъ положеніе крестьянъ въ рукахъ евреевъ въ Гессенѣ: малкіе собственники и фермеры—крестьяне наследственно въ долгу у евреевъ и по имени только свободные люди и граждане; угрожаемые ежеминутнымъ изгнаніемъ изъ жилищъ, они принесли на себя относительно евреевъ цѣлый рядъ обязательствъ, составляющихъ петинное рабство; воздержаніе по природѣ, они должны обязательно вынуждены ежедневно определенное количество продаваемой евреямъ водки, которое такъ разсчитано, что оставляетъ за ними силу работать, но не даетъ имъ быть вполне трезвыми!

— Да, если ошибочно выставить программы для однихъ образованныхъ классовъ, то не менѣе ложны и программы для однихъ городскихъ рабочихъ; оставленіе безъ вниманія сельскаго населенія, все еще самаго многочисленнаго и наименѣе способнаго къ самозащитѣ—крупная ошибка, которую пора начать исправлять! — Не знаю, замѣтилъ ли кто либо изъ присутствовавшихъ, во время шума, слѣдующія слова Генрихи:—«Петинное рѣшеніе еврейскаго вопроса, какъ и другихъ, въ социальномъ государствѣ». — О нихъ стоитъ подумать.

Подъ конецъ всѣхъ, и даже горячій въ рѣчь, но благоразумный въ дѣйствіяхъ, г. Шредеръ, согласился принять тезисы, какъ общую точку отправленія. Одинъ только Толлора (de la Rue) объявилъ, что, несмотря на на сочувствіе цѣлымъ тезисамъ, сожалѣетъ о неясности въ нихъ словъ изъ св. писанія и потому воздерживается отъ голосованія. Съ разныхъ сторонъ послышались звуки неодобренія, но одинъ изъ членовъ воскликнулъ «Respect vor Ueberzeugung» (уваженіе убѣжденія), и съ этимъ достойнымъ кликомъ, служившимъ во всѣхъ трудахъ конгресса сигналомъ примиренія и соглашенія, окончилось замѣчательное засѣданіе.

Берлинъ,
26 сентября, 1882.

Ш—тъ.

НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

(Продолженіе)

Нашъ вѣкъ отличается поразительнымъ возростаніемъ производительной силы. При-

мѣненіе пара и электричества въ промышленности, усовершенствованные способы производства, могучія машины, доведенное до послѣднихъ предѣловъ раздѣленіе труда, необыкновенное ускореніе и облегченіе бытія — все это увеличило до баснословныхъ размѣровъ производительность всякой человеческой работы. Весьма естественно, что въ самомъ началѣ этой замѣчательной эпохи процвѣтанія наукъ и промышленности можно было ожидать — и такое ожиданіе было дѣйствительно распространено повсюду, что изобрѣтеніе машинъ, сберегающихъ трудъ человека, поведетъ къ улучшенію участи рабочаго и что громадное возростаніе производительной силы совершенно искоренитъ нищету и бѣдность на землѣ...

Если бы человекъ прошлаго столѣтія—какойнибудь Фраппинъ или Пристлей — могъ представить себѣ картину будущаго и увидать, какъ простое парусное судно и почтовые экипажи замѣнились пароходами и желѣзнодорожными поѣздами; какъ первобытные цѣны и косы уступили мѣсто паровымъ косамъ, молотилкамъ и вѣялкамъ; если бы онъ могъ услышать свистъ и грохотъ машинъ, этихъ покорныхъ рабовъ, удовлетворяющихъ человеческія желанія и потребности несравненно лучше всѣхъ людей, лошадей и другаго рабочаго скота земнаго шара вѣхъ взятыхъ; если бы онъ могъ увидать, какъ толстыя деревья почти безъ содѣйствія человеческой руки многомъ превращаются въ готовые двери, окна, ящики и бочки; какъ въ обширныхъ мастерскихъ цѣлыя груды башмаковъ и сапоговъ производятся съ меньшей затратой времени и труда, чѣмъ сколько нужно было въ старыя годы саножнику для изготовленія одной подошвы; какъ гигантскіе паровые молоты выковыываютъ огромные якоря и трубы, а тонкія и нѣжныя машинки выдѣлываютъ изящныя часики; если бы онъ могъ представить себѣ ту удивительную экономію времени и труда, которой мы теперь достигли усовершенствованіемъ нашихъ средствъ сообщенія и обмѣна; если бы онъ узналъ, что мясо барановъ, убитыхъ въ Австраліи, въ свѣжемъ состояніи съѣдается въ Лондонѣ и что распорядженіе лондонскаго банкира, сдѣланное утромъ, уже вечеромъ того же дня приводится въ исполненіе гдѣнибудь въ Санъ-Франциско; если бы онъ могъ оцѣнить все значеніе безчисленнаго множества усовершенствованій и изобретеній, изъ которыхъ мы упомянули только о немногихъ, то чтобы онъ заключилъ изъ того о социальномъ положеніи человечества?

О, его сердце запырало бы отъ радости! Онъ почувствовалъ бы то, что ощущаетъ умчимаый жаждой путешественникъ въ африканской пустынѣ, когда съ высоты несчастнаго холма взорамъ его вдругъ откроется зеленѣющая пальмовый лѣсъ и зеркальная поверхность прохладныхъ водъ. Онъ былъ бы твердо увѣренъ въ томъ, что пользованіе новыми силами, въ такомъ изобиліи доставляемыми научными и промышленными открытіями, непременно улучшитъ человеческое общество во всѣхъ отношеніяхъ, освободитъ послѣднюю бѣдника отъ мучительной заботы о хлѣбѣ насущномъ, сдѣлаетъ невозможнымъ самый фактъ существованія бѣдности и даже стѣпеннаго

*) Саножники играютъ не маловажную роль въ партіи реформы и это, съ точки зрѣнія повѣйшей психологіи, отчасти объясняетъ умѣренный характеръ партіи: по мнѣнію Лафаруса, подкрѣпленному многочисленными примѣрами, саножники склонны къ углубленію въ религіозные вопросы, тогда какъ портные къ рѣшенію политическихъ вопросовъ революціей.

материального положения. Онъ вообразилъ бы, конечно, что машины своими желѣзными мускулами и стальными жилами превратятъ жизнь рабочаго въ свѣтлый праздникъ, на которомъ всякое высокое чувство, всякое благородное стремленіе и всякая полезная способность найдутъ себѣ полный просторъ для своего развитія и преусуѣванія. И изъ этихъ счастливыхъ материальныхъ условій онъ заключилъ бы о неизбѣжности появленія правдивныхъ условій жизни, осуществляющихъ тотъ золотой вѣкъ на землѣ, о которомъ всегда мечтало человѣчество. Ребенокъ, играющій съ тигромъ! Вѣковой разладъ, превратившійся въ чудную гармонию! И какъ, въ самомъ дѣлѣ, могла бы царствовать алчность тамъ, гдѣ все живутъ въ довольствѣ?! Развѣ пороки, преступленіе, невѣжество, грубость—все эти послѣдствія бѣдности или страха передъ бѣдностью—могутъ остаться, когда сама бѣдность исчезнетъ? Кому придется въ голову унижаться тамъ, гдѣ все люди свободны? Кто вздумаетъ притѣснять тамъ, гдѣ все равны?...

Такъ думалъ бы нашъ Франклинъ или Пристлей. Но что мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Со всѣхъ сторонъ цивилизованнаго міра раздаются жалобы на промышленные кризисы, на безработицу, на накопленіе празднаго капитала, на лишенія и страданія трудящагося люда. И то же самое мы встречаемъ во всѣхъ государствахъ, какъ бы рѣзко они ни отличались другъ отъ друга по своему географическому положенію, по политическому устройству, по системѣ налоговъ и другимъ социальнымъ условіямъ. Нужда существуетъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ содержится большое постоянное войско, и въ тѣхъ, въ которыхъ такого войска нѣтъ; тамъ, гдѣ возмны пошлпы парализуютъ торговлю, и тамъ, гдѣ торговли свободна отъ искусственныхъ преградъ; гдѣ въ обращеніи находятся одніе бумажные деньги и гдѣ золотого и серебра циркулируютъ въ изобиліи. Нужду нельзя объяснить никакими мѣстными условіями. Она является всеобщее.

Гдѣ условія, къ достиженію которыхъ повсюду стремится такъ называемый матеріальный прогрессъ, осуществлены въ наибольшей степени, т. е. гдѣ населеніе всего гуще, накопленіе богатствъ всего значительнѣе, а орудія производства и средства обмена всего совершеннѣе—тамъ мы находимъ также и самую крайнюю бѣдность, самую ожесточенную борьбу за существованіе.

Рабочіе, ищущіе болѣе высокой заработной платы, эмигрируютъ въ «новыя страны», т. е. въ страны, гдѣ матеріальный прогрессъ находится еще въ начальномъ стадіи развитія. Туда же направляются и капиталы, добывающіе себѣ болѣе значительныхъ процентовъ. Въ «старыхъ» же странахъ, т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ матеріальный прогрессъ достигъ послѣднихъ степеней своего развитія, среди пышной роскоши и изобилія всегда встрѣчается самая крайняя бѣдность. Посмотрите на одно изъ только что возникшихъ поселеній въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ англо-саксонская предприимчивость и энергія закладываютъ первый камень будущей культуры. Гдѣ средства производства грубы и несовершенны,

гдѣ накопленіе богатствъ еще не достаточно велико, чтобы позволить извѣстному классу людей жить въ праздности, гдѣ лучшій домъ—хижина или палатка, а самый зажиточный человѣкъ принужденъ трудиться въ потѣ лица, тамъ вы не найдете богатыхъ, но не найдете также и нищихъ. Тамъ никто не живетъ роскошно, за то всякій можетъ жить, и нѣтъ тамъ человѣка, способнаго и охочаго къ работѣ, котораго угнеталъ бы страхъ передъ нуждой.

Но какъ только подобное поселеніе начинаетъ осуществлять условія, къ которымъ стремятся все цивилизованныя общества, какъ только оно начнетъ подыматься по лѣстницѣ матеріального прогресса, какъ только увеличеніе густоты населенія, болѣе легкое сообщеніе съ остальнымъ міромъ и пользованіе усовершенствованными орудіями труда, машинами, увеличатъ сбереженіе силъ въ производствѣ и обменѣ и поведутъ къ возрастанію богатства абсолютнаго и относительнаго (пропорціональнаго увеличенію населенія)—бѣдность сейчасъ же появляется и все болѣе и болѣе усиливается. Нѣкоторымъ людямъ живется теперь легче и лучше, за то другимъ становится трудно прожить хоть кое какъ. Богатѣльни, рабочіе дома и тюрьмы являются такими же вѣрными признаками «материальнаго прогресса», какъ изысканія зданія, роскошныя магазины и монументальныя церкви. На улицахъ, освѣщенныхъ газомъ и оберегаемыхъ отрядами полиціи въ мундирахъ, оборванные нищіе протягиваютъ прохожимъ свои нехудыя руки, а въ тѣни университетовъ, библиотекъ и музеевъ собираются гунны и вандалы нашего времени, появленіе которыхъ было предсказано Маколемъ.

Этотъ фактъ—тотъ многозначительный фактъ, что бѣдность и все ея послѣдствія возникаютъ въ обществѣ именно тогда, когда оно достигаетъ условій, къ осуществленію которыхъ неуклонно стремится матеріальный прогрессъ—показываетъ, что наши социальные неудачи не обуславливаются какими нибудь мѣстными причинами, но вызываются тѣмъ или другимъ путемъ самымъ матеріальнымъ прогрессомъ.

Мы видимъ, что научныя открытія и изобрѣтенія техники доставили человѣчеству такую власть надъ природой, о которой столѣтіе тому назадъ не могло мечтать самое пылкое воображеніе. Но на фабрикахъ, снабженныхъ самыми усовершенствованными машинами, малыя дѣти теперь надрываются работой, а среди наибольшаго накопленія богатствъ люди умираютъ отъ голода, изуроченные младенцы соеутъ изсохшія, пустыя груди. Обѣтованная земля убѣгаетъ отъ насъ, какъ миражъ...

Современный матеріальный прогрессъ хотя и возвышаетъ человѣческое общество, но онъ дѣйствуетъ на него не снизу, а перерѣзываетъ его въ точкѣ средней между вершиной и основаниемъ, точно клинъ, вбиваемый въ этотъ мѣстѣ. Кто находится выше точки раздѣла, на верхней поверхности клина, того клинъ, т. е. матеріальный прогрессъ, подымаетъ еще выше, а кто попадетъ подъ нижнюю поверхность клина, того прогрессъ еще болѣе отгѣняетъ внизъ и безжалостно раздавливаетъ.

Одновременное существованіе бѣдности и матеріального прогресса составляетъ великую задачу нашего времени. Это центральный фактъ, откуда протекаютъ все промышленныя, социальныя и политическія затрудненія, тревожащія міръ, затрудненія, противъ которыхъ тщетно борются государственная мудрость, филантропія и народное образованіе. Это загадка, которую сфинксъ исторіи задаетъ нашей цивилизаціи. Не разрѣшить ее—значитъ погибнуть. Пока возрастаніе богатствъ, вызываемое усовершенствованіями техники, ведетъ только къ увеличенію контраста между палатами богача и хижиной бѣдности, до тѣхъ поръ прогрессъ не можетъ быть реальнымъ, непрерывнымъ. Реакція должна придти. Банинъ наклоняется на бокъ, и всякое новое событіе только ускоряетъ наступленіе конечной катастрофы. Давать образованіе людямъ, осужденнымъ на бѣдность, значить дѣлать ихъ революціонерами. Основывать на волюющемъ социальномъ неравенствѣ политическія учрежденія, провозглашающія въ теоріи всеобщее равенство, значить ставить пирамиду на ея вершинѣ.

Буржуазная политическая экономія не дала до сихъ поръ удовлетворительнаго объясненія возникновенію бѣдности подъ вліяніемъ матеріального прогресса и только придумала нѣсколько теорій, находящихся другъ съ другомъ въ вопіющемъ противурѣчій. Одни весьма авторитетные экономисты утверждаютъ, будто промышленныя кризисы зависятъ отъ чрезмѣрнаго потребленія (surconsumption); другіе, не менѣе авторитетные, доказываютъ, что кризисы обуславливаются чрезмѣрнымъ производствомъ (surproduction); третьи во всемъ обвиняютъ то войны и содержаніе постоянныхъ армій, то чрезмѣрную постройку желѣзныхъ дорогъ или стачки рабочихъ, требующихъ повышенія заработной платы, то демонетизацію серебра, бумажные деньги и пр. и пр....

Мы передали въ сокращенномъ видѣ, по удержавъ, по возможности, выраженія подлинника, содержаніе первой, вступительной главы книги Генри Джорджа *) для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о литературныхъ приемахъ автора и набросанной имъ мастерской картинѣ матеріального прогресса. Жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ въ дальнѣйшихъ статьяхъ поддерживать того же способа изложенія, который одинъ только могъ бы познакомить съ крупнымъ литературнымъ талантомъ автора, съ его достоинствами какъ мыслителя, съ его тонкимъ анализомъ и могучей диалектикой, а также и съ его недостатками. Къ этимъ послѣднимъ нужно отнести нѣкоторую односторонность и наклонность злоупотреблять дедукціей—грѣхи, которыми въ большей или меньшей степени страдаютъ почти все современные экономисты, въ томъ числѣ и принадлежащіе къ социалистической школѣ.

*) Progress and poverty: an inquiry into the cause of industrial depressions, and of increase of want with increase of wealth. The remedy. By Henry George. London. 1882.—Прогрессъ и бѣдность: изслѣдованіе причинъ промышленныхъ кризисовъ и усиленія нужды одновременно съ увеличеніемъ богатства. Средство искоренить бѣдность. Лондонъ, 1882 г.

У нашего автора недостатки эти объясняются условиями, при которых ему приходилось жить, развиваться и образовывать себя. Не принадлежа к числу тех привилегированных счастливицев, которым материальный достаток или фаворитизм уже в ранней молодости открывает настесь двери храма науки, Генри Джорджу пришлось вести двойную борьбу — за существование и за знание. Из простаго наборщика этот автодидакт ступень сдвигается учеником, литератором и выдающимся политическим деятелем, о познаниях и талантах которого даже его противники, буржуазные экономисты, как, напр., Лесли, отзываются с величайшим уважением.

Во вступительной главѣ, содержание которой мы изложили и озаглавленной *The Problem*, Генри Джордж ставит, как мы видели, вопросы, изслѣдованію и разрѣшенію которых посвящена его книга.

«Я намѣренъ — такъ заканчиваетъ главу авторъ — попытаться разрѣшить на слѣдующихъ страницахъ при помощи методовъ политической экономіи великую задачу, очерченную мною выше. Я намѣренъ отыскать законъ, въ силу котораго бѣдность всегда сопровождаетъ прогрессъ и усиливается при возрастаніи богатства; и я думаю, что при анализѣ этого парадокса мы найдемъ удовлетворительное объясненіе тѣхъ періодически повторяющихся промышленныхъ и коммерческихъ кризисовъ, которые, разсматриваемые отдѣльно, безъ отношенія къ болѣе общимъ экономическимъ явленіямъ, кажутся непонятными. Такое изслѣдованіе, если оно будетъ сдѣлано точно, должно привести къ заключенію, выдерживающему всякую критику, великую проверку фактами и находящемуся въ полномъ согласіи со всеми другими истинами — ибо въ общей цѣли явленій не можетъ быть перерывовъ и скачковъ... Въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи я намѣренъ отрываться отъ ига авторитетовъ; я ничего не буду принимать на вѣру, и всякую изъ господствующихъ теорій, считающихся теперь доказанными, буду подвергать критикѣ. Если она этой критикѣ не выдержитъ, то я снова начну вопрошать факты, надѣясь открыть управляющій ими законъ... Я не убоюсь никакихъ заключеній, не отступлю ни передъ какими логическими выводами, но буду слѣдовать за истиной, гдѣ бы я ее ни нашелъ. На нашей обязанности лежитъ отыскать экономическій законъ, ибо въ самомъ сердцѣ нашей цивилизаціи люди умираютъ отъ истощенія и голода. Но какимъ окажется этотъ законъ — это ужъ не наше дѣло. Если заключенія, къ которымъ мы придемъ, будутъ говорить противъ насъ, будутъ идти въ разрѣзъ съ нашими интересами и предразсудками, будутъ разнатыкать учрежденія, въ теченіе вѣковъ считавшіяся справедливыми и мудрыми, то мы должны сохранить достаточно твердость духа, чтобы не убоиться этого и болѣе ужъ не отступать назадъ».

Въ дальнѣйшихъ нашихъ статьяхъ мы срезумируемъ возможно коротко объемистый экономическій трудъ Генри Джорджа и затѣмъ — если позволитъ мѣсто — выскажемъ по поводу него нѣсколько критическихъ замѣчаній.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ ВЪ ИТАЛІИ.

Послѣ плебисцитовъ 1860 и 1861 годовъ, увѣнчавшихъ кровавую войну за національную независимость Италіи и установившихъ италіянское королевство подъ конституціонной монархіей Виктора Емануила, привилегированные классы, бывшіе тогда у власти, гдѣ они продержались слишкомъ долго, рѣшили сразу покончить съ народнымъ самодержавіемъ и всеобщей подачей голосовъ, которая хотя и создала націю отечество, но не была, по ихъ мнѣнію, способна сохранить его, а, напротивъ, влекла его къ гибели. Ихъ главнымъ аргументомъ было повѣжество массъ, который, говорили они, ни что иное, какъ слѣное орудіе въ рукахъ поповъ, ожесточеннѣйшихъ враговъ новаго порядка вещей.

Избирательный законъ 17 декабря 1860 года имѣлъ главнымъ основаніемъ цензъ, представляемый прямымъ налогомъ въ 40 лиръ; слѣдствіемъ этого являлось, что избирателями были немногіе, обладающіе таковою степенью платежной способности, какой, при настоящихъ общественныхъ условіяхъ, могутъ достигнуть только весьма немногіе счастливы. Избирательный корпусъ едва достигалъ 600.000 избирателей...

Но въ странѣ — особенно среди рабочихъ классовъ — постоянно поддерживалась агитація въ пользу всеобщей подачи голосовъ и, въ то же время, депутаты «лѣвой» не упустили случая, чтобы требовать въ Парламентѣ по крайней мѣрѣ распространія избирательнаго права, — по ихъ проекты никогда не удостоивались даже чести преній, — таково было ожесточеніе, съ какимъ нападала на желанную реформу *consorteria*, захватившая себя монополію власти.

Наступило 18 марта 1876 г., ознаменованное паденіемъ «правой» и вступленіемъ во власть «лѣвой»; проекты слѣдовали за проектами, но всегда отвергались раньше преній. Тогда въ странѣ начали говорить, что наверху есть могущественная, невидимая и неответственная сила, которая ставитъ преграды избирательной реформѣ; говорилось еще, что, кромѣ этой высшей силы, существуетъ при дворѣ интригующая партія, враждебная всякимъ реформамъ, которая оказываетъ давленіе на слабыхъ душой министровъ, доводящихъ ихъ ужъ тѣмъ, что имъ придется при дворѣ ихъ громовый либерализмъ.

Наконецъ, проектируемая избирательная реформа была поставлена въ Парламентѣ на очередь; начались пренія. Консерваторы оспаривали у реформистовъ нѣдъ за нѣдью привилегію подачи голосовъ и, видя себя разбитыми, вызвали министерскій кризисъ, который долженъ былъ увѣнчать ихъ страшныя усилія. Дѣйствительно, король, противъ всякихъ обычаевъ конституціоннаго правленія, поручилъ одному члену меньшинства, Селлѣ, (*Sella*) главѣ консерваторовъ, составить новый кабинетъ. Избирательная реформа, казалось, была отложена. Но народъ бодрствовалъ — и отъ одного конца Италіи до другаго поднялся крикъ протеста противъ нарушенія основнаго статута королевства, и рабочія массы всѣхъ большихъ городовъ стека-

лись на площади, чтобы громко требовать избирательной реформы, утверждая — какъ это дѣлалось и раньше на сотнѣ митинговъ — что «Воля Націи есть основаніе нашего государственнаго права». Селла долженъ былъ осведомить короля объ этихъ народныхъ манифестаціяхъ, и избирательная реформа была принята Палатой въ концѣ іюня 1881 года, а 21 Января 1882 г. — Сенатомъ, гдѣ она должна была преодолевать на каждомъ шагѣ безконечныя препятствія.

Новый законъ признаетъ избирателями всѣхъ италіянскихъ гражданъ, достигшихъ 21 года и умѣющихъ читать и писать. Главная основа избирательнаго права — обязательное элементарное обученіе и соответственный ему документъ для тѣхъ, которые до объявленія закона объ обязательномъ обученіи выдержали экзаменъ изъ втораго класса элементарной школы. Кромѣ того, на первые два года дается право голоса также всѣмъ тѣмъ, кто представитъ объ этомъ собственноручное прошеніе. Конечно, новый законъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, — не всеобщая подача голосовъ, которой домогается демократія, но на практикѣ, принимая во вниманіе результаты, онъ мало чѣмъ разнится отъ нея. Новые избиратели составляютъ два милліона, принадлежащіе почти всецѣло къ трудящемуся классу городскихъ рабочихъ, потому что, исключая Пьемонтъ, Ломбардію и Лигурію, гдѣ даже въ деревняхъ повсюду разсыпаны хорошія элементарныя школы, въ другихъ частяхъ Италіи число неграмотныхъ крестьянъ (особенно въ южной Италіи) въ настоящее время громадно — и только недавно тамъ начали организоваться правильныя школы; даже въ городахъ центральной и южной Италіи и Сициліи школы заведены только съ 1861 года.

Совершенно естественно, что всѣ старыя политическія партіи, отъ консерваторовъ чистейшей воды до министерскихъ прогрессистовъ, въ одинъ голосъ, болѣе или менѣе искренно, заговорили о рабочемъ вопросѣ, о вопросѣ социальномъ, существованіе котораго они сами же прежде отрицали. Но отсутствіе искренности въ ихъ стремленіяхъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ. Консерваторы, напр., дали четыре конференціи въ Миланѣ. Здѣсь Мингетти (*Minghetti*) признавалъ, что положеніе рабочихъ не блестяще и что нужно имъ помочь, принимая въ этомъ отношеніи за образецъ англійское общественное законодательство; другою ораторъ, напротивъ, утверждалъ, что рабочіе въ прекрасномъ положеніи и что именно собственники находятъ въ затруднительномъ положеніи; всѣ же ораторы оказались въ полномъ согласіи относительно идеала «сильнаго отечества», многочисленнаго и вымундрованнаго войска, новыхъ кораблей, новаго и непрестаннаго вооруженія, словомъ — относительно всего, что ведетъ къ экономическому раззоренію націи и къ возрастающей бѣдности рабочаго люда.

Прогрессисты не выставили никакой программы касательно социальной реформы. Въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ, въ согласіи съ частью консерваторовъ, желали бы постепеннаго пониженія налога на соль, другіе, напротивъ, имѣли со всеми консерваторами, требуютъ возстановленія налога на поварѣ (на

tassa sul macinato) который всю свою тяжестью ложится на беднейшие классы, — для увеличения военных расходов. Сифну сказать сейчас же, что ни один, ни другие не встретят отголоска в стране и, конечно, остерегутся явиться перед избирателями с программой, заключающей это странное желание.

Между всеми политиками из господствующих классов выделялся своею искренностью и откровенностью сенатор Алессандро Росси, один из крупнейших промышленников Италии; он изложил свою программу, в которой требует введения прогрессивного налога и уничтожения всяких налогов на предметы первой необходимости, участия рабочих в прибыли с промышленных предприятий, кооперации, постепенного сокращения числа постоянных войск, заменив их вооружением нации, сокращения военных расходов и, наконец, покровительства национальному труду. Но большинство итальянцев, считая протекционизм хорошою вещью в теории, не особенно склонны, вследствие различных обстоятельств, применять его на практике. Программа сенатора Росси послужит тем партиям или тем фракциям партий, которые внесли в свои программы неизменную выше реформу, значение которых весьма сильно возросло вследствие авторитета Росси и еще больше — вследствие его положения, как богатого промышленника и сенатора.

Перейдем теперь к рабочим. Рвение и деятельность, проявившаяся в среде этих последних за короткий промежуток времени, назначенный правительством для внесения в избирательные листы, позволяют уже предчувствовать, что рабочие сумеют серьезно воспользоваться повсюду приобретенным правом; правящие классы не мало уж озабочены этим, и правительство, с своей стороны, употребляет все средства, чтобы ограничить результаты нового избирательного закона и возможно сократить распространение права подачи голоса.

Повсюду образовались демократические избирательные комитеты, состоящие почти исключительно из рабочих; повсюду давались конференции, публичные и частные, выработались различные программы, хотя отличающиеся между собою по формам, но в своей сущности не представляющие никакого значительного различия; это последнее обстоятельство позволяет надеяться, что одной из непосредственных выгод нового избирательного закона будет образование сильной рабочей организации, которая, не отделив экономического вопроса от политического, по стараниям разграничит оба одновременно, один при помощи другого, будет в состоянии дать новое направление политике страны. Это уже предвидать старые политические деятели и министр внутренних дел, которые уже всеми силами стремятся обойти рабочих и воспрепятствовать их организации.

Больше всего было сделано для организации рабочих в Ломбардии и части Пьемонта, где существуют более многочисленные рабочие центры, чем в других частях Италии. В Венецианской области рабочие центры

подвержены некоторому влиянию сенатора Росси, но там пробуждение весьма ничтожно; в Вероне, в Падуе, в Сакко и в других местах образовались рабочие кружки (circoli operai) с целью избирательной агитации. В Неаполе рабочие, хотя и весьма многочисленные, показали едва несколько признаков пробуждения — и то больше кажущегося, чем реального; там все политическое влияние сосредоточено в руках людей без чести и без идеала, у которых подкуп — главное средство борьбы. В Риме обнаружилось значительное пробуждение среди рабочих, которые до сих пор были обиваемы с толку политиками низкой пробы, в роду министра Деллетиса, которые, черня, при помощи безчисленных и отвратительных наклепов, влиятельных людей романской демократии, слязж, клеветы и раздоры и подстрекая низкие инстинкты толпы, приученной, за время господства попов, жить милостыней и в праздности, — достигли того, что отделили рабочих от радикальной демократии. Такая же диффамация была испробована и в других местах, но нигде она не достигала таких блестящих результатов, как в Риме. Здесь рабочие соединенные с демократами, могли бы победить, отделившись от нея — они обезнечивают победу консерваторам. Какая ответственность падает на тех, которые с невыразимым легкомыслием поддавались низким маневрам реакции!

В Сицилии, в Умбрии, в Марке, в Романе, в Тоскане и Лигурии рабочие вообще присоединились к программам радикальной демократии (крайняя левая в Палате). В Милане, Турине, Генуе, Александрии, Парме, Реджо (Эмилия), в Мессине и т. д. заложен фундамент Итальянской рабочей партии и рабочие поддерживают рабочую кандидатуру; их стремления в согласии с стремлениями демократии.

Демократия заключает в себя радикалов, республиканцев, маццинианцев и социалистов. Первые вняли в возможность прийти к республике путем мирной эволюции или предпочитают ее по многим различным причинам. Маццинианцы, уменьшающиеся в настоящее время в численности и в значении, не принимают борьбы на легальной почве и, в то же время, желают употребить только чистые средства, такие чистые, что ни за что не могут и приняться. В деле выборов они абстемционисты, и на одном республиканском конгрессе, состоявшемся прошлого июня в Генуе, преобладая на нем численностью индивидуумов, но в действительности будучи ничтожным меньшинством относительно числа представленных обществ, они сумели заставить принять теорию абстемционизма. Я говорю «теорию», потому что практика будет совершенно иной. Социалисты ринулись единодушно прильнуть к избирательной агитации с целью пропаганды; в Ломбардии, в Пьемонте, в окр. Мантуи и в части Эмилии часть удалось войти в рабочее движение и соединиться с другими фракциями демократии; в Романе, где существует настоящее рабочее движение, они соединились с партией антимонархическими.

Но в то время как в верхней Италии социалисты будут голосовать за кандидатов, которые, будучи избраны, пойдут заседать в Парламент, в центральной Италии они поставят кандидатуры протеста, т. е. кандидатуры личностей, которых социальная несправедливость поставила в невозможность быть избранными, или других, которые, будучи избраны, не согласились бы присягать на верность «нераздельному благу короля и отечества» (benessere inseparabile del re e della patria), что требуется от депутата, входящего в Палату. Я не хочу здесь рассматривать, сколь мало практично это решение группы итальянских социалистов, по верю то, что оно лишит их весьма значительного числа голосов, потому что масса, инстинктивно расположенная к социалистам, не имеет ни глубоких убеждений, ни ясного понимания идей, или несомненных, эта масса не борется во имя принципов, тем более не пойдет она на дело, которое имеет все видимость неуреха. И, конечно, не ошибется в своих расчетах тот, кто пожелает воспользоваться таким положением вещей!...

Но возвратимся к рабочему движению.

В Милане рабочая партия, представляемая Миланским рабочим обществом (Circolo operaio milanese) и радикальным рабочим союзом (Unione operaia radicale), выступает с программой, которая — как «пути и приготовления к организации человеческого общества, в которой средства производства, потребления и воспитания будут достаточны, потому что каждый будет в состоянии свободно удовлетворять все свои потребности и широко развивать все свои способности» — выставляет следующие требования:

Юридическое и политическое равенство всех граждан, без различия пола и общественного положения;

Абсолютная свобода печати, собраний и ассоциаций для всех; уничтожение предварительного заключения и гарантии личной свободы против исключительных законов и злоупотреблений власти. Всякая власть всегда ответственна за свои поступки и государство должно карать проступки своих слуг;

Уничтожение церковного бюджета;

Уничтожение постоянного войска и замена его всеобщим вооружением нации;

Учреждение одного прогрессивного налога на капитал, ренту и наследство; освобождение от всякого налога вещей, составляющих первую потребность существования (сепаратор Росси требует только прогрессивного налога);

Полная свобода сношений между рабочими ассоциациями, с одной стороны, и между капиталистами, работодателями и собственниками, с другой, во всем, что касается труда, — следовательно, свобода коалиций и стачек;

Общественная автономия; свобода общин соединяться в федерации сообразно с общественными нуждами;

Юридическое признание рабочих ассоциаций — производителей, потребителей, кредита, сопротивления, взаимной помощи и образовательных — без всяких других ус-

ловий, какъ по представленіи доказательства ихъ существованія (что находится въ противорѣчій съ старымъ министерскимъ проектомъ, признающимъ за рабочими обществами юридическую личность, на условіи правительственного выѣмательства въ расходваніе ихъ средствъ);

Передача публичныхъ работъ прямо рабочимъ товариществамъ;

Передача коронныхъ, церковныхъ и удѣльныхъ земель въ безплатное пользованіе земледѣльцамъ и ихъ ассоціаціямъ, на условіи, что право неотчуждаемой собственности на нихъ останется за общинами или за націей и что земледѣльцы будутъ вносить извѣстный налогъ на общественные расходы. Обращеніе недвижимыхъ имуществъ благотворительныхъ учреждений (delle Opere Pie) въ общественный фондъ съ той цѣлью, чтобы эти имущества были уступлены въ безвозмездное пользованіе рабочимъ и ихъ ассоціаціямъ на вышеупомянутыхъ условіяхъ;

Общины и нація должны стремиться къ послѣдовательной передачѣ въ безвозмездное пользованіе всѣмъ работникамъ и ихъ ассоціаціямъ, на выше сказанныхъ же условіяхъ, земель, домовъ, магазиновъ, фабрикъ и вообще всѣхъ орудій производства.—

Въ Романіи, напротивъ, всѣ усилія направлены къ соединенію анти-монархическихъ партій, т. е. радикаловъ, республиканцевъ и социалистовъ, на почвѣ «общихъ требованій», безъ нарушенія автономіи партій и безъ ущерба партійнымъ идеаламъ. Это направленіе, впрочемъ, преобладаетъ и въ верхней и средней Италіи и въ Сициліи, но въ Романіи оно приобрѣло болѣе значенія, благодаря силамъ, которыми располагаютъ тамъшніе демократы. Тамъ образовался Романольскій демократическій союзъ (Unione democratica romagnola), къ которому присоединились самые видные люди итальянской демократіи — Саффи, Бертини, Кардуччи, Маріо, Пангано, Коста, и большая часть «членовъ крайней лѣвой» — Каваллотти, Бовіо, Филонанни и др.

Программа, съ которой социалисты ставятъ кандидатуру Андреа Косты въ Имоля, Форли и Равеннѣ, кромѣ дезидератъ «Миланской секціи рабочей партіи», выставляетъ различные положенія, касающіяся труда: ограниченіе числа рабочихъ часовъ; регламентація фабричнаго труда женщинъ и дѣтей; юридическая отвѣтственность хозяевъ или предпринимателей за несчастные случаи, происшедшіе во время работы; прекращеніе работы въ рабочихъ домахъ для уничтоженія конкуренціи съ свободными работниками; національная помощь для инвалидовъ труда; національныя кассы для содержанія стариковъ и неспособныхъ къ труду; особое попеченіе за рабочими, въ случаѣ недостатка работы; выѣмательство государства и общины, во имя гигиены, морали и справедливости, въ экономическія отношенія рабочихъ и хозяевъ; изысканіе средствъ, которыя сдѣлали бы излишней эмиграцію, причиняемую отсутствіемъ ли работы, или недостаточностью заработной платы, или *malatia*; правительственный выкупъ желѣзныхъ дорогъ, трамвеевъ, крупныхъ средствъ навигаціи, коней и т. д.; уничтоженіе панскихъ гарантій; совершенное отдѣленіе церкви отъ государства; подчиненіе церквей,

общему праву, какъ всякихъ другихъ ассоціацій; уничтоженіе перваго пункта Статута (государственная религія — католицизмъ); уничтоженіе политической и профессиональной клятвы; первоначальное обученіе — даровое, гражданское, національное, обязательное (теперь оно обязательно только на словахъ); національное учрежденіе образованія научнаго и профессиональнаго; пересмотръ карательнаго законодательства въ научномъ отношеніи; уничтоженіе регламентовъ, санкціоннующихъ проститутцію; въ отношеніяхъ итальянской націи съ другими покровительствовать, на сколько это возможно, національной независимости и братству всѣхъ народовъ.

Въ другихъ программахъ мы встрѣчаемъ также требованіе реформы сената, въ томъ направленіи, чтобы сдѣлать его выборнымъ учрежденіемъ, тогда какъ теперь сенаторы назначаются пожизненно королемъ. Другіе, напротивъ, считаютъ сенатъ учрежденіемъ излишнимъ.

Мы не думаемъ, чтобы изъ всеобщихъ выборовъ, назначенныхъ на 29 число текущаго мѣсяца, вышло представительство, способное разрѣшить экономическіе вопросы и вопросы труда, или провести въ законодательство другія требованія, выставленныя въ изложенныхъ нами программахъ; — допустимъ даже, какъ худшую изъ гипотезъ, что усилія рабочихъ въ настоящей борьбѣ обратятся исключительно на пользу политикантовъ, — но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ первомъ опытѣ легальной политической борьбы они заложатъ основанія могущественной рабочей организаціи и общаго труда во имя общихъ стремленій, что, такъ или иначе, не замедлитъ принести желанные результаты.

А. Пистолези.

ХРОНИКА СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

Русскіе еврей-эмигранты въ Парижѣ. — Отступничество газеты «Citoyen» отъ культа «Революціи». — Конгрессъ «варваристовъ» въ Бордо. — Агитация въ пользу націонализаціи земли въ Англіи.

На дняхъ обитатели одного изъ рабочихъ кварталовъ Парижа были удивлены и встревожены неожиданнымъ событіемъ. Многимъ рабочимъ, жившимъ въ большой *cité Jeanne d'Arc* *), вдругъ, ни съ того, ни съ сего, отказали отъ квартиры. Вскорѣ оказалось, что понадобилось обширное помѣщеніе для большой партіи какихъ то эмигрантовъ, которыхъ народная молва окрестила сначала египтянами. Понятно, что трудящееся населеніе квартала имѣло полное основаніе тревожиться, спрашивая себя — кто эти иностранцы-пролетаріи, кѣмъ они привезены въ Парижъ и не вступятъ ли они зловредными конкурентами парижскихъ рабочихъ, предлагая свой трудъ

*) *Cités, cités ouvrières* въ Парижѣ называютъ группы однообразно построенныхъ домовъ, скученныхъ на одномъ дворѣ и предназначенныхъ для рабочихъ. Дома отдѣляются другъ отъ друга переулками. Тутъ люди часто живутъ «какъ сельди въ бочкѣ». О переносеніи этихъ домовъ человѣческими существами можетъ дать нѣкоторое понятіе описаніе улицы de la Goutte d'Or въ извѣстномъ романѣ Эмиля Золя, «L'Assomoir».

за изъшую противъ установившейся нормы плату?

Услыхавъ объ этомъ происшествіи, Paul Lafargue — одинъ изъ редакторовъ *Citoyen* и зять Маркса (про него въ шутку говорятъ, что онъ также «зять идей Маркса») — немедленно отправился въ *cité Jeanne d'Arc* узнать, въ чемъ дѣло. Къ удивленію своему, онъ, вмѣсто египтянъ, увидалъ передъ собой несчастныхъ жертвъ россійской средневековщины — евреевъ, отъ которыхъ узналъ слѣдующее. Ихъ около пяти сотъ человѣкъ. Посылали они родину, чтобы избѣжать гоненій и, пробывъ нѣкоторое время въ Бродяхъ, были отправлены въ Парижъ «антрепренерами еврейскаго переселенія», какъ выразился Ляфаргъ. Почти всѣ они ремесленники — портные, саножники, слесари, перчаточники, часовщики, граверы и пр. Большая часть ихъ молодые люди. Нѣкоторые пріѣхали съ семьями. Они получаютъ отъ эмиграціоннаго комитета даровую квартиру и по одному франку въ день на человѣка. Помѣщеніе они въ грязныхъ комнатахъ въ девять квадратныхъ метровъ — по девяти человѣкъ въ каждой комнаткѣ. На два человѣка дается одинъ тифля и больше ничего, никакой мебели. Ляфаргъ справедливо возмущается, что имъ не достали ни завѣсокъ на окна, ни свѣчей мыла и посуды. Дѣйствительно, такая обстановка — по парижскимъ правамъ, возмутительная, хотя она, конечно, не хуже той, при которой очень многимъ изъ эмигрантовъ приходилось жить на родинѣ-мачихѣ, и съ ней какъ съ временнымъ положеніемъ, легко было примириться — была бы только надеждою перспективой хорошей работы. Но «комитетъ до сихъ поръ еще ничего не сдѣлалъ для пріисканія занятій эмигрантамъ и пока прибавляетъ ихъ одними обещаніями самого неопредѣленнаго свойства. «Такое положеніе говоритъ газета *Citoyen*, не только грустное но опасное: эти люди, доведенные до отчаянія голодомъ, могутъ согласиться на всякія условія, лишь бы получить работу, сдѣлать опасными конкурентами для парижскихъ рабочихъ и быть причиною пониженія ихъ заработной платы. Въ виду этого мы думаемъ, что на обязанности синдикальныхъ комитетовъ должно лежать пріисканіе имъ работы. Мы предупредили эмигрантовъ, что парижскіе рабочие не допустятъ ихъ брать работу за не соответственную цѣну. Но нужно также чтобы эти бѣдствующіе пролетаріи нашли социалистовъ ту поддержку, въ которой имъ отказываютъ въ другомъ мѣстѣ».

Среди парижскихъ социалистовъ и рабочихъ существуетъ убѣжденіе, что евреи въ писали капиталисты, чтобы воспользоваться ими какъ дешевой рабочей силой для пониженія заработной платы. Разсказываютъ, будто какой то «хорошо одѣтый господинъ съ сѣрыми бакенбардами», говорящій по русски, всячески старается помѣшать сношеніямъ эмигрантовъ съ социалистами, будто онъ держитъ несчастныхъ евреевъ въ совершенномъ илѣну въ *cité Jeanne d'Arc* — и объявилъ, что евреи могутъ принимать предложенія работы не иначе, какъ съ его согласія!

Парижская буржуазная пресса отнеслась къ евреямъ вообще гуманно. «*Soleil*» въ статьѣ «Миръ евреямъ!» требуетъ для

нихъ права убѣжища, но обращаетъ также вниманіе на дурныя послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой слишкомъ большая иммиграція евреевъ во Францію. «Если мы добры — говоритъ названная газета — то мы не должны быть глупыми, не должны позволять имъ (евреямъ) кусать или даже царапать руку, гостеприимно отворяющую имъ дверь. Они — евреи и пусть остаются евреями! Прибывшая партія только авангардъ болѣе значительнаго «исхода». Пусть же они свободно займутся своимъ ремеслами. Единственно, что мы въ правѣ отъ нихъ требовать, это — чтобы они не привозили съ собою духа расоваго отчужденія (*morgue étrangère*), чтобы они сдѣлались французскими евреями».

Mot d'Ordre утверждаетъ, будто эмиграция евреевъ въ Парижъ прибыло не 500, а 2000 и что скоро ихъ должно пріѣхать еще 5000. О послѣдней цифрѣ упоминаетъ также *Voltaire*.

Въ № 358 газеты *Citoyen*, одного изъ официальныхъ органовъ парижскихъ марксистовъ, напечатана передавая статья *Henri Brissac'a*, озаглавленная *Petite et haute bourgeoisie* (Крупная и мелкая буржуазія), изъ которой считаемъ нужнымъ привести довольно длинную выдержку, могущую служить хорошею характеристикой того идейнаго прогресса, который въ настоящее время несомнѣнно совершается во французской социалистической партіи.

«Разъ дознано — пишетъ *Brissac*, что интересы рабочихъ и мелкой буржуазіи одинаковы и что для успѣха дѣла необходимо совместное дѣйствіе обоихъ сословій, остается только опредѣлить, какая пропаганда можетъ легче и скорѣй всего вызвать такое единеніе... Я думаю, что всякія угрозы прибѣгнуть къ возстанію заставляютъ крупную буржуазію испускать глубокіе вздохи облегченія... Еслибъ я былъ врагомъ социализма, я ничего такъ не желалъ бы, какъ ряда маленькихъ бунтовъ или даже хорошаго большого возстанія... Грандіозное избіеніе социалистовъ съ послѣдующей депортаціей ихъ *en masse*, осадное положеніе и восстановленіе законовъ, кающихъ всякія нападки на собственности путемъ слова и печати, открыли бы мнѣ прелестный горизонтъ полного спокойствія и безопасности — лѣтъ на десять, можетъ быть... За отсутствіемъ бунтовъ и возстанія, я бы радъ былъ всякой односторонней пропагандѣ, дающей результаты какъ разъ противоположныя тѣмъ, которыхъ отъ нея ожидаютъ социалисты, т. е. такой пропагандѣ, которая, наводя страхъ, отталкивала бы отъ социалистической партіи и семейства пролетаріевъ, и семейства мелкой буржуазіи. Наоборотъ, я содрогался бы всѣмъ тѣломъ передъ простой популяризацией безоценочнаго анализа собственности безъ малѣйшаго обмѣна непримѣнныхъ катаклизмовъ, потоковъ крови и огня — обмѣна, считающагося почему то приманкой для тѣхъ самыхъ семействъ, которыхъ, не увѣривши въ успѣхѣ авантюры, тревожно озираются, ища спасительнаго дождя зонтика, могущаго укрыть ихъ лично, когда разгуляется буря. Я содрогнулся бы особенно передъ категорической программой экспроприаціи, строго различающей тѣхъ, кто

долженъ и кто не долженъ быть экспропрированъ, т. е. проводящей рѣзкую границу между крупной и мелкой буржуазіей»...

Это ужъ совсѣмъ отступничество съ точки зрѣнія «баррикадизма» какого нибудь *Lissagageu* и стереотипнаго культа революціи во чтобы то ни стало, малѣйшее отступленіе отъ котораго еще вчера считалось у французскихъ социалистовъ чуть ли не измѣной народному дѣлу. Радуетъ, что настало время, когда видный членъ социалистической партіи можетъ говорить въ ея органѣ то, что сказалъ *Brissac*. Радуетъ, что и во Франціи революціонное доктринерство начинается, повидимому, уступать мѣсто болѣе широкимъ сужденіямъ, и удивляемся только одному — какъ могла такъ долго и такъ деспотически властвовать надъ умами доктрина, требующая отъ человѣка, чтобы онъ непремѣнно лѣзъ на стѣну, ломалъ себѣ о пее голову или, если онъ для этого не достаточно храбръ и искрененъ, то чтобы кровожадничалъ и вопствовалъ хоть на словахъ. Лассаль чуть ли ужъ не двадцать лѣтъ тому назадъ со свойственной ему убѣдительностью и талантомъ доказалъ, что революція въ широкомъ смыслѣ, т. е. какъ замѣна отжившихъ социально-политическихъ порядковъ новыми, прогрессивными, и революція въ узко-боевомъ смыслѣ, какъ форма борьбы, какъ насиліе — двѣ вещи совершенно различныя. Положимъ, Лассаль самъ не миновалъ изъ которой доли доктринерства, когда, подогнавъ весь комплексъ историческихъ явленій подъ одинъ принципъ, онъ рѣшилъ, что крестьянскія войны въ Германіи были явленіемъ реакціоннымъ. Но если частный выводъ знаменитаго агитатора оказался невѣрнымъ, то общее положеніе, изъ котораго выводъ былъ сдѣланъ, несомнѣнная истина. Кто же не знаетъ — кромѣ людей ослѣпленныхъ фанатизмомъ или доктринерствомъ — что бываютъ перевороты, революціонныя по своей сущности и однако совершающіеся мирнымъ путемъ? Придерживаясь исключительнаго насильственнаго способа дѣйствія такъ же нелѣпо, какъ проповѣдовать борьбу мирными средствами во что бы то ни стало. Ни одна серьезная партія, ни одно правительство не отказывались никогда отъ насилія, если считали его въ данный моментъ необходимымъ, возможнымъ и полезнымъ для себѣ. Чѣмъ терроризмъ какой нибудь Варооломевской Ночи уступаетъ терроризму 1793 года? Чѣмъ 2 декабря было не революціоннымъ по формѣ пріемомъ съ стороны бонапартистовъ? Стало быть, революціонеры-фанатики и революціонеры-доктринеры, проповѣдую насильственный способъ дѣйствія, никакой Америки не открыли. Они были правы, поскольку хотѣли сказать: «бери съ оружіемъ въ рукахъ, если для этого у тебя есть достаточная сила, то, что не можешь получить другими средствами»; но они положительно проповѣдывали цѣльность, отрицая все кромѣ баррикады, запрещая даже жезлы мирнаго пути и навязывая людямъ политику отчаянія и проливанія стѣнъ головой, вмѣсто того, чтобы говорить имъ: «постарайтесь сдѣлаться сначала силой, а потомъ деритесь, если иначе нельзя».

Мы вполне допускаемъ, что могутъ быть условія, при которыхъ борьба съ оружіемъ въ

рукахъ, даже безъ всякой надежды на побѣду, является необходимостью какъ актъ гражданскаго мужества и самозащиты. Неужели таковы условія въ теперешней Франціи? Конечно, тамъ не богъ знаетъ — какаѣ политическая свобода, но степеней этой свободы совершенно достаточно, чтобы имѣть полное право сказать французскимъ рабочимъ: «вы сначала организуйтесь, а потомъ ужъ деритесь, а если хорошо организуетесь, то, по всей вѣроятности, вамъ и драться не придется» — и безъ драки все получите».

Послѣднее мы отъ души желаемъ французскимъ рабочимъ, хотя знаемъ, что такое желаніе можетъ показаться непримѣльнымъ многимъ изъ нихъ, у которыхъ еще сохранилась слишкомъ сильная *amour du pétard*.

Отъ 3 до 12 сентября въ Бордо засѣдалъ такъ называемый рабочий конгрессъ, создававшийся рабочими, покровительствуемыми г. Барберомъ, директоромъ бюро ремесленныхъ синдикатовъ (*syndicats professionnels*) при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это та самая фракція, которая на гаврскомъ конгрессѣ 1880 г. пыталась составить большинство противъ социалистовъ, вслѣдствіе чего между ею и социалистами сразу же установились враждебныя отношенія. Несмотря на поддержку со стороны республиканской буржуазной прессы (а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этой поддержки), на «конгрессѣ» явились представители только 17-ти ремесленныхъ союзовъ, изъ которыхъ 13 находятся въ самомъ городѣ Бордо. Приведемъ наиболѣе интересныя изъ рѣшеній, принятыхъ конгрессомъ: 1) Уничтоженіе всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ ассоціаціи; полная свобода всякихъ явныхъ ассоціацій, полная свобода собраній. 5) Запрещеніе патронамъ основывать фабричныя кассы вспоможенія. 6) Запрещеніе вычитать штрафы изъ заработной платы. 8) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ, городскихъ пошлинъ (*octroi*) и налоговъ на потребленіе. 9) Введеніе одного единственнаго налога на постоянный капиталъ.

Хотя парижскія социалистическія газеты издѣваются надъ «барберетистами», но нельзя отрицать, что для министерскихъ протезовъ они вели себя недурно и что, если рѣшенія, принятые ими, не имѣли рѣзко выраженного социалистическаго характера, то въ нихъ видна все же немалая доза свободолобія и заботы о сословныхъ интересахъ. Въ числѣ делегатовъ нашлись и такіе, которые говорили въ пользу послышки представителей на социалистическій конгрессъ въ Сентъ-Этьеннѣ; а когда социалистъ *Martin*, делегатъ отъ плотниковъ, заявилъ, что «онъ уважаетъ капиталъ... потому что нужно же ѣсть, но что онъ изъ числа тѣхъ, которые ждутъ не дождутся того времени, когда капиталъ этотъ можно будетъ взять», то вся зала огласилась ед и н о д у ш н ы м и рукоплесканіями. Право, недурно! А буржуазная пресса торжественно возвѣщала о бордоскомъ конгрессѣ, актъ объ «анти-коллективистическомъ» и «анти-революціонномъ»! Нѣтъ, такихъ анти-революціонеровъ навѣрно не пожелали бы себѣ князь Бисмаркъ съ пасторомъ Штеккеромъ, и врядъ

ли ими остались довольны г. Барбере и министерство, в котором он служил.

Впрочем, внимание всех теперь привлекает всеобщий французский рабочий конгресс (социалистический), открывшийся 25 сентября в Сент-Этьенне и раздвинувшийся потом на два конгресса. Об этих двух конгрессах мы, конечно, поговорим подробно.

Лондонский корреспондент газеты Social-Demokrat сообщает, что движение в пользу национализации земли дѣлает успехи в Англии. Генри Джордж читал 5 сентября конференцию в Лондоне. Огромная зала Memorial-Hall'a была битком набита слушателями, с увлечением внимавшими рѣчи талантливого конферента. О значении, которое придется этому митингу и вообще агитации в пользу национализации земли, можно судить по тому, что Times посвятил цѣлый столбец (а столбец Times'a чтонибудь значит — при большом формате и мелком шрифте газеты) отчету о митинге. Иден Генри Джорджа и Дэвидта начинают проповедать и в «Национальную земельную и рабочую лигу Великобритани», которая находится в довольно тѣсном единении с Ирландской Земельной Лигой и насчитывает в Лондоне, особенно среди ирландцев, очень много приверженцев. Къ сожалѣнію, лига эта на своемъ послѣднемъ годичномъ конгрессѣ еще не могла рѣшиться внести требование национализации земли в свою официальную программу.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Милліонное наследство и акулы змѣяго дворца. Genève, M. Elpidine, libraire-éditeur. 1882. 24 стр. Брошюра бросаетъ свѣтъ на нѣкоторые стороны жизни тѣхъ сферъ администраціи и общества, которыя защищены отъ обличеній прессы и суда. Она рассказываетъ о мошенническомъ раздѣлѣ «имущества умершаго князя Эспера Вѣлосельскаго-Вѣлосерскаго» между его дѣтьми, сыномъ Константиномъ и двумя дочерьми. Князь Эсперъ «по знатности» и богатству «стоялъ въ первыхъ рядахъ аристократіи». Напр., «ему принадлежалъ весь Крестовскій островъ... «Въ 1869 г. былъ совершенъ» этотъ «полюбовный раздѣлъ», причемъ «цѣнность имущества показывается по совѣсти». Но у князя Константина оказалось недостаточно «добросовѣстности», не смотря на то, что онъ состоитъ «флигель-адъютантомъ» Александра III, который хочетъ бороться со всѣми хищниками... «Имущество было оценено ниже дѣйствительной стоимости, а стоимость части выдѣленной сестрѣ, кн. Трубецкой, напротивъ, увеличена...» Книжка обратилась въ судъ... но мать ее обратилась къ государю (Александру II), «чтобы ее дочь повелѣно было признать сумасшедшей». «Ей оставалось только отказаться отъ иска». «Графъ Адлербергъ запретилъ печати упоминать о дѣлѣ» этомъ.

Вотъ краткое резюме названной брошюры, переданное, для большей объективности, ее подлинными словами.

Василій Сидорацій.

«Балтійскаго Федералиста» (Der Baltische Foederalist. Genève. 57—88. Librairie Elpidine. 75 cent.) вышелъ уже 3-й №-ръ. Какъ и въ первыхъ двухъ, въ немъ почти нѣтъ ничего балтійскаго, но за то можетъ быть очень интересенъ для заграничной нѣмецкой публики, желающей ознакомиться съ оппозиционными направлеціями въ Россіи. Въ 3 №-рѣ помѣщены статьи: Конституціонныя стремленія въ Россіи (адресъ тверскихъ дворянъ въ 1862 г., брошюры гг. Щербачева, Комелева, Де Воллана 1881—1882 гг.), — Соціалисты и федералисты. Какъ отвѣтъ на критику г. Драгоманова на первый номеръ «Балт. Федералиста». «Вольное Слово» отъ 1 сентября. (Отвѣтъ не на вопросы, но за то съ несовсѣмъ благовоспитанною выходкою, впрочемъ, съ маленькою). — «Что теперь?» (краткій разборъ брошюры г. А. Комелева, вышедшей въ Берлинѣ). — Забытые погребенные (политическіе ссыльные). — Корреспонденція: изъ балтійскихъ провинцій (см. выше); изъ Берлина (общія замѣчанія о приготовленияхъ къ войнѣ съ Россіей). — Библиографія: Stepiak: La Russia Sotteranca (выдержки; продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Начало академическаго года въ Кіевскомъ учебномъ округѣ ознаменовалось двумя пощечинами: въ Каменцѣ инспекторъ Петро получилъ пощечину отъ ученика VII кл., а въ Ромнахъ директоръ реальнаго училища, Дьяченко, отъ дамы, содержательницы ученич. квартиры. Въ то же время въ Стародубѣ происходилъ судебный процессъ по дѣлу о данной въ проиомъ году пощечинѣ однимъ безъ резону уволеннымъ ученикомъ директору реальнаго училища, Радкевичу.

Мы вовсе не сторонники кулачныхъ расправъ, но скажемъ, во первыхъ, что если въ педагогическомъ мѣрѣ дошло дѣло до оплеухъ, то вина всегда лежитъ на педагогахъ, а во вторыхъ — всѣ три названные кіевскіе педагога изъ самыхъ неудачныхъ: г. Петро изъ безтактичныхъ братьевъ славянъ, г. Дьяченко крайне бездарный человѣкъ, г. Радкевичъ еще во времена кн. Шпрингскаго Шинхатова «Магометову ревниость къ православію приложившаго» сталъ посямѣшникомъ цѣлаго округа, подъ именемъ «звонаря». Всѣ три принадлежатъ къ начальникамъ посадки временъ гр. Толстого, о трехъ четвертяхъ которыхъ можно смѣло сказать съ Гамлетомъ, что съ ними надо обращаться «лучше, нежелти они заслуживаютъ, иначе рѣдкій изъ нихъ избѣжитъ пощечины».

По видимому самымъ «блаженнымъ начинаніемъ» власти на Руси суждено поражать глупостію исполненій. У императрицы являлся счастливая мысль учредить четырехъ-классныя училища для дѣвочекъ, которыя по имущественному и общественному положенію своихъ родителей поставлены въ необходимость довольствоваться среднимъ образованіемъ въ предѣлахъ знаній, необходимыхъ для удовлетворенія основныхъ потребностей самосознанія личности, какъ человѣка и гражданина. Въ новыя школы, кромѣ преподаванія предметовъ, входящихъ въ программу трехъ-классныхъ городскихъ училищъ, предложено ввести еще преподаваніе естественнаго, отечественной исторіи, географіи и рисованія;

курсъ четырехъ-лѣтній. И что же? На всю Россію, повсемѣстно терпящую отъ недостатка всякихъ школъ или мѣстъ въ нихъ для вновь поступающихъ, учреждается всего одно такое училище въ Петербургѣ и при томъ лишь въ видѣ опыта на три года. Для испытанія полезности школы съ четырехъ-годичнымъ курсомъ назначается трехъ-годичный срокъ! Подвергается опыту то, въ чемъ ощущается насущная и настоятельная потребность! Сомнѣваются въ пригодности того или другого способа утоленія духовной жажды дѣтей, тогда какъ неутоленіе этой жажды пагубно уже и продолжаетъ губить цѣлыя поколѣнія!

Изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщаютъ, что изъ г. Кургана, Тобольской губерніи, недавно удачно бѣжало двое политическихъ ссыльно-поселенцевъ, г. В-ій и г-жа Ш-ль.

Изъ Москвы намъ сообщаютъ, что въ сентябрьской книжкѣ «Русской Мысли» — о задержаніи которой была рѣчь въ газетахъ — вырѣзана статья: о пути изъ Верхоянска (въ Восточной Сибири) въ Европейскую Россію.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени

ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ:

ПОЛІТИЧНІ ПІСНІ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

XVIII—XIX ст.

Списки з увагами

М. Драгоманова.

Частина перша: Кінець Козацтва.

Розділ першій: Запорозці в 1709—1739 рр. (Розореніє Старой Сѣчи по приказу Петра I, заворожці въ союзѣ съ Карломъ XII и подъ крымскою протекціею, возмратъ подъ московскую протекцію и первыя службы противъ Польши и Турціи.)

Изданіе предпринято по образцу собранія «Пѣторическихъ Пѣсень Малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова». (Кіевъ, 1874—75, I—II), которое даетъ сводъ политическихъ пѣсень украинскаго народа съ IX до 1/2 XVII ст.

Слѣдующіе выпуски, готовые къ печати, будутъ заключать въ себѣ:

Розділ другій: Гетьманщина в 1709—1764 рр.

Розділ третій: Запорозці в 1740—1775 рр.

Розділ четвертій: Запорозці в Турчині,

в 1775—1828 рр., Чорноморці.

Розділ п'ятій: З козаків в салдати.

Частина друга: Україна під державою Російською і Австроугорською (1764—1880).

будетъ заключать:

Розділ першій: Держава і воєнна служба.

Розділ другій: Крѣпачтво; воля (1848—49;

1861—63) найм (бурлацтво, заводи), злигодні (попи, жиди).

Прилога: Чужинці на Україні і навколо (поляки, москвини, волохи, німці і т. д.)

Издатель проситъ всѣхъ любителей научнаго и слѣдованія народной жизни и воззрѣній сообщать ему имѣющіеся у нихъ еще не опубликованные материалы пѣсенъ, подходящихъ къ указаннымъ предметамъ.

У Н. GEORG, Genève, Corratierie. 10.

ПРОДАЕТСЯ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА.

ДЕСЯТЬ ТОМОВЪ ПО 4 фр. ЗА ТОМЪ

НА ДНѢХЪ ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ:

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХУДЯКОВЪ.

ОПЫТЪ АВТОБІОГРАФІИ.

Цѣна 2 фр.

Genève. Imprimerie de la Parole libre, chemin Dardet. 15